

Тараксандра
Судьба Хеопса

Тараксандра
Судьба Хеопса

«Издательские решения»

Тараксандра

Судьба Хеопса / Тараксандра — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965196-9

Древний Египет. На фараона Хеопса совершено жестокое покушение. Кто стоит за всеми преступлениями? Мелонис, верховный жрец бога Солнца, ведет расследование. Таинственные храмы, жестокие обряды, встречи с божествами ожидают читателей в новом бестселлере Тараксандры.

ISBN 978-5-44-965196-9

© Тараксандра
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Смерть фараона	8
Глава 2	12
Дочь танцовщицы	13
Глава 3	15
Звездная Дева	16
Глава 4	18
Вестник бедствий	19
Глава 5	22
Царские похороны	23
Глава 6	25
Коронация	26
Глава 7	29
Болота Фаюма	30
Глава 8	34
Храм бога Солнца	35
Глава 9	37
Личный друг фараона	38
Глава 10	42
Хранитель печати и царской казны	43
Глава 11	45
Двойник	46
Глава 12	48
Проклятый жрец	49
Глава 13	52
Магия Анукет	53
Глава 14	58
Хранители царской власти	59
Глава 15	64
Фиванский «царь»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Судьба Хеопса

Тараксандра

© Тараксандра, 2019

ISBN 978-5-4496-5196-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Этот роман основан на реальных событиях. В Берлинском музее хранится старинный манускрипт «Папирус Весткар», названный так в честь его владелицы, госпожи Весткар. Речь в нем идет о пророчестве, данном фараону Хуфу, согласно которому, династия этого царя обречена. «Боги отвернулись от Хуфу и его дома», – говорит предсказатель. У папируса нет ни начала, ни конца, большинство фраз в нем сложны для современного восприятия.

Фараон Хуфу, более известный как Хеопс, ассоциируется с Великой пирамидой в Гизе, единственным дошедшим до нас чудом из знаменитых семи чудес света. Пирамиду Хеопса знают все, в то время как о самом фараоне, известно не так уж много. А, между тем, судьба Хеопса не менее удивительна, чем его творение. Геродот, самый обширный из биографов Хеопса, рассказывая об этом фараоне, опирался на труды египетских жрецов, современников Хеопса, которые недолюбливали волевого непокорного монарха. Единственным человеком, к чьему мнению Хуфу неизменно прислушивался, был астролог и врач Тети. Именно этот мудрец предсказал быстрый закат династии Хеопса.

Происхождение и личность Тети весьма туманна, в романе он выведен под именем Мелонис.

Кроме реальных исторических лиц, в книге действуют и боги. Они тоже реальны. Боже-ства являлись неотъемлемой частью жизни Древнего Египта. В то время еще не порвалась нить, связующая мир богов и людей.

Почти все имена и географические названия даны в более привычном, греческом варианте: так египетское имя Хуфу – по—гречески Хеопс; Инпу – Анубис; Хет-ка-Пта – Мемфис и т. д.

К созданию этой книги были привлечены старинные легенды и предания, труды античных историков, а также современные исследования. Вот поэтому некоторые страницы могут показаться удивительными и неожиданными. Например, описание строительства пирамид, обрядов храмов, жертвоприношения.

Восстанавливать события, произошедшие почти 50 веков назад, было непростой, но прекрасной задачей. Словно чудная мозаика собиралась по кусочкам древняя великая история, и, наконец, истина открылась мне. И ныне я представляю ее тебе, любезный читатель.

С уважением, Тараксандра.

Глава 1

Смерть фараона

2600 год до н. э. Древний Египет. В своем дворце, в Мемфисе, умирал мудрый фараон Снофру. Был предрассветный час, легкий ветер с Нила доносил освежающую прохладу, насыщенную ароматами лотосов и лилий; в царском саду божественно пели утренние птицы; лазурь вечно солнечного неба настойчиво прорывала темные покровы ночи. Все в мире дышало гармонией и поэзией, и потому так особенно неуместно и жестоко выглядела смерть среди этого подлинного земного рая. Весь Египет замер в тоске и ожидании.

У дверей спальни фараона стояли притихшие придворные. Смерть царя меняла не только судьбу государства, но и судьбы многих из них. Из покоев правителя вышел высокий пожилой человек, с бритой головой и овальным удлинённым лицом, поверх его белоснежного жреческого одеяния была накинута пятнистая шкура леопарда.

– Псамметих, верховный жрец Ра, – зашептались придворные.

От толпы собравшихся отделились двое молодых людей: белокурый юноша лет 20 и хрупкая изящная девушка 17—18-ти лет. Они подошли к жрецу.

– Есть ли надежда? – взволнованно спросил юноша.

Верховный жрец Ра печально покачал головой.

– Я сделал все, что мог, царевич, – тихо проговорил он. – Боль покинула его тело, остальное – в руках богов.

– Я хочу видеть дядюшку, – сказал молодой человек, направляясь к покоям фараона.

– Подожди, пресветлый Хеопс, – мягко остановил его Псамметих, – царь приказал прежде позвать тех, кто был с ним от юности его. Не сердись, царевич.

– Пожелание величайшего из всех фараонов священно для меня, – смиренно сказал молодой человек.

Жрец был учителем Хеопса и другом его дядюшки, царевич уважал и почитал мудреца.

Псамметих подошел к стоящей в самом дальнем углу высокой стройной пожилой женщине, одетой в изысканное тонкое зеленое платье. По горделивой осанке и утонченным манерам ее можно было бы принять за благородную даму, но причудливые татуировки, которые покрывали ее плечи и руки, и, вероятно, и все тело, выдавали в ней танцовщицу. Верховный жрец Ра что-то тихо шепнул ей и, взяв за руку, повел в комнаты Снофру.

Женщина вошла в спальню фараона. Снофру лежал на спине, устремив взгляд в окно, задрапированное плотной тканью, в щелочку, между складками льна, пробивался первый робкий лучик пробуждающегося солнца.

– Снофру, – прошептала она, – опускаясь на колени перед ложем царя.

Царь повернулся к вошедшей, в его потухающих глазах вспыхнули искры жизни.

– Анукет, – с нежностью проговорил старый фараон, глядя женщину по густым каштановым волосам, чуть тронутым сединой, – услада моей юности.

– Не уходи от нас, великий царь, не покидай меня, – простонала женщина.

– Я буду ждать тебя, моя возлюбленная. Не грусти.

– Это невозможно, повелитель, – печально проговорила она. – Я простая танцовщица, а в царстве солнцеликого Ра могут жить лишь боги и цари. Мы никогда не встретимся. – Танцовщица разрыдалась.

– Ра берет к себе избранных во всем, – сказал фараон, лаская склоненные плечи женщины. – Наша любовь божественна. Мы не смогли соединиться на земле, так будем вместе там, в чертогах Солнца.

– Не покидай меня, великий царь! – с отчаянием проговорила Анукет. – Ты забираешь мое сердце!

– Не плачь, любимая, все в этом мире предопределено. Видно так захотели боги, чтобы мы были соединены и разлучены одновременно.

– Зачем они так поступили с нами?

– Богам не задают вопросы, любовь моя, но знай, если бы была моя воля, я сделал бы тебя царицей Египта.

– Я не о власти говорю. Мне нужен лишь ты. Я хотела быть с тобой, а не с правителем.

– Это невозможно в мире людей. В моих жилах течет кровь Ра, кровь Озириса, и подобно моим божественным предшественникам, я лишь на ничтожно краткое время мог отдаваться земным чувствам. Прости меня, моя любимая. Но теперь все изменится, однажды мы вновь встретимся и уже навсегда. Я буду ждать тебя.

– Мой великий бог, как же я была счастлива с тобой! И с каким нетерпением я ожидаю того момента, когда и меня призовут боги. Но сейчас мы на земле. Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, лучезарный царь?

– Можешь, – улыбнулся Снофру. – Порадуй меня еще раз своим божественным танцем.

Анукет поклонилась и, встав на ноги, закружилась в танце. Сумрак в комнате скрывал постаревшие черты женщины, и, казалось, что перед правителем танцует юная девушка, полная надежд и мечтаний. Закончив танец, Анукет вновь встала на колени у постели фараона.

– Благодарю тебя, моя богиня, – прошептал фараон. Он приподнялся на ложе и обнял женщину. Внезапно правитель вздрогнул, судорога пробежала по его лицу. – О, боги, как вы торопитесь, – пробормотал он. – Иди, моя любимая, ты облегчила мои страдания, теперь у меня хватит сил закончить все дела. Пусть ко мне придут Меритенса и Аменемхат.

Анукет, заливаясь слезами, ушла. В покои правителя вступили два пожилых мужчины. Первый из них был придворный архитектор Аменемхат, суровый человек, с холодными колючими светло-голубыми глазами, второй – царский казначей и хранитель печати Меритенса, рослый мужчина богатырского телосложения, на его поясе висел меч. Много лет назад Меритенса был воином, но, даже сменив род деятельности, не смог изменить себя и расстаться с любимым оружием.

– Друзья мои, – проговорил умирающий правитель.

Архитектор и казначей почтительно поцеловали руку царя.

– Служите моему племяннику Хеопсу, так, как служили мне, – сказал фараон.

– Клянусь, – проговорил Меритенса.

– Мы сделаем все возможное и невозможное для лучезарного Хеопса, – проговорил Аменемхат.

– Я не сомневаюсь в вас, – сказал Снофру, – но мой племянник еще очень молод, помогите ему. А главное – защитите.

– Мы готовы умереть за Хеопса, – проговорил Меритенса.

– Пусть все боги Египта хранят вас, друзья мои. – И вновь судорога исказила лицо правителя. – Ну вот, кажется, и все. Теперь я хочу говорить с теми, кому вручаю власть и судьбу Египта. Пусть ко мне придут Хеопс и Хенутсен.

Молодые люди, робея, вошли в комнату царя.

– Великий государь, – проговорил Хеопс.

– Великий государь, – эхом повторила девочка, сжимаясь от страха.

– Дети мои, – улыбнулся старый фараон. Он взял Хеопса за руку. Голос умирающего правителя хоть и оставался тихим, но звучал твердо и властно. – Хеопс, – сказал Снофру, – настала твоя очередь принять бремя власти. Я оставляю тебе страну, богатую и процветающую, враги Египта покорены, боги одаривают земли обильными урожаями. Будь же достоин своего высокого жребия.

– Клянусь всеми богами, первый среди царей, у тебя не будет повода сожалеть о той безграничной милости, которую ты оказал мне.

– Я не сомневаюсь в тебе, мой мальчик, – ласково проговорил Снофру. – Еще, когда ребенком я увидел тебя, то с первого взгляда понял, что ты – настоящий потомок Озириса. Ты не только красив телом, но и наделен великим умом. У меня не было родного сына, и боги послали тебя. Ты станешь величайшим из царей.

– Я – лишь твой ученик, дядюшка.

– Ты превзойдешь мою славу, Хеопс. Сегодня ночью боги даровали мне дивное виденье, я узрел тебя в сиянии величия и могущества: ты сидел на золотом троне рядом с самим Ра, а у ног твоих подданные возносили тебе хвалу.

– Я возблагодарю богов за этот сон, – сказал молодой царевич.

– Не плачь, Хенутсен, – обратился Снофру к всхлипывающей девочке, прячущейся за спину своего юного супурга, – мои годы подошли к концу, солнцеликий Ра зовет меня к себе. Так должно быть.

Хенутсен, заливаясь слезами, распростерлась у ложа умирающего фараона.

– Не надо плакать, малышка, – проговорил фараон, – ты хорошая жена для моего племянника. Боги избрали тебя продолжить род Озириса.

– О, мой царь! – воскликнула Хенутсен, целуя руку фараону.

Снофру хотел еще что-то сказать, но предсмертный хрип поглотил его фразу.

Хеопс выбежал из спальни и громко крикнул:

– Псамметих, царю плохо.

Врачеватель вбежал в комнату правителя, за ним устремились Анукет, Аменемхат и Меритенс. Псамметих склонился над умирающим.

Солнце уже не робким лучиком, а потоком света ворвалось сквозь щелку в ткани.

Фараон чуть приподнялся на ложе, словно пытаясь войти в этот яркий небесный поток.

– Прими меня в свое царство, солнцеликий Ра, – прошептал он.

Солнечный свет залил грудь царя Египта, Снофру вздохнул и упал на подушку. Душа мудрого правителя воссоединилась с богом богов. Хенутсен разрыдалась, на ресницах Хеопса тоже блеснули слезы. Он почтительно поцеловал мертвую руку дядюшки, потом подошел к окну, немного раздвинул занавески и вдохнул воздух. Легкий ветерок высушил слезы. Прямой, холодный, сдержанный новый царь Египта повернулся к плачущей жене.

– Хенутсен, мы больше не имеем права обнажать свои чувства. Отныне и ты, и я – владельцы двух объединенных земель.

Хенутсен поспешно вытерла слезы, Хеопс решительно распахнул дверь. Царственная чета покинула комнату мертвого фараона.

Придворные почтительно склонились перед новыми правителями Египта.

– Наступило время расплаты, – тихо прошептал Псамметих, обращаясь к стоящим рядом Аменемхату, Анукет и Меритенсе.

– О чем ты? – сквозь слезы проговорила танцовщица Анукет.

– Я о том преступлении, совершенном нами много лет назад, – сказал верховный жрец Ра.

– Ты говоришь о нашем возмездии тому, чье имя проклято в веках? – сверкнул глазами казначей.

– Да, – кивнул Псамметих. – Как бы оно ни называлось, но это было убийство.

– Ты устал, Псамметих, – махнула рукой Анукет.

– Я говорю истину, – покачал головой жрец.

– Я не чувствую себя виновным, – вставил свое слово казначей Меритенса. – Мой меч поразил врага, как на поле боя. Или ты забыл свое сражение с ним, Псамметих?

– Я согласен с Псамметихом, – осторожно проговорил архитектор Аменемхат. – Мы убийцы, и я тоже чувствую, что наказание однажды настигнет нас. Снофру был нам, словно защита, но его больше нет.

– Он стал первым, – зловеще проговорил Псамметих. – Чья теперь очередь держать ответ?

Глава 2

Дочь танцовщицы

Анукет, как и подобало любимой приближенной царя, проживала во дворце фараона. С тяжелым сердцем пришла танцовщица в свои покои. Некоторое время она неподвижно стояла, словно собираясь с силами и мыслями. Постепенно ее глаза стали сухими и жестокими, а поза надменной. Анукет глубоко вздохнула и строго и резко позвала:

– Реджедет!

В комнату впорхнула красивая черноволосая девушка. Легкое, почти прозрачное, платье тончайшего льна облегалo ее стройное юное тело, поясok из фаянсовых бусин подчеркивал совершенные бедра. Девушка с испугом взглянула на танцовщицу.

– Опять бегала к своему Хемиунису? – зло спросила Анукет.

– А что, ты мне можешь запретить? – сверкнула узкими черными глазами Реджедет.

Звонкая оплеуха была ответом на дерзкий выпад девушки.

– Ты должна быть с Хеопсом, а не болтаться возле этого безродного пастуха.

– Хемиунис не пастух, мама! – воскликнула Реджедет. – Он архитектор!

– Как же, архитектор! – побледнела от гнева Анукет. – Эллинское отродье, босяк! Это Аменемхат увидел мазню твоего оборванца и взял его себе в ученики. Да если бы не Аменемхат, Хемиунис давно бы околел от голода или был бы продан.

– Хемиунис умен, как бог, а Хеопс противен мне!

– Как ты смеешь так говорить о сыне Ра, негодная? – Анукет отвесила новую оплеуху дочери, от которой девушка упала на пол.

– А мне все равно, чей он сын! – выкрикнула Реджедет, она лежала на полу, танцовщица поставила свою изящную ногу на спину дочке.

– Клянусь богами, мерзавка, я убью тебя, – прошипела Анукет.

– Убей, но моя душа останется с Хемиунисом. Я ненавижу твоего Хеопса.

– Хеопс – бог и царь Египта, – проговорила Анукет, почти вдавливая девушку в мраморный пол. – Сейчас ты пойдешь к нему и будешь утешать его.

– Не пойду, пусть его утешает жена.

– Нет, не эта замухрышка, крестьянка Хенутсен, должна быть с царем, но ты. Лишь ты достойна Хеопса. – Анукет убрала ногу со спины Реджедет. – Встань и выслушай меня.

Девушка покорно поднялась.

– Я была у прорицателя...

– У Псамметиха, – едко заметила Реджедет.

– Допустим, – не стала спорить Анукет, – он сказал, что у тебя нет судьбы с Хемиунисом.

– Зато есть судьба с Хеопсом?

– Не знаю, – вздохнула Анукет, – звезды не открыли нам этого. Ваши судьбы близки и в тоже время далеки. Твой гороскоп и гороскоп Хеопса очень запутанные, и боги, и звезды не дают ответов.

– Ну вот видишь, мама, я не пара Хеопсу. Кто я такая? Я ведь даже имени своего отца не знаю. Правда, при дворе болтают, что я дочь Псамметиха. Неужели верховный жрец Ра – мой отец?

– Я не знаю, чье семя я выносила в своем теле, знаю лишь, что он был знатным человеком. Я не встречалась с простоллюдинами. Ты очень красивая, моя дочь, и достойна самой высокой доли.

– Стать одной из жен Хеопса?

– Не одной из жен, а первой и единственной. Прояви немного ласки к юному фараону, и он забудет свою дурнушку, эту Хенутсен.

– Нет, я уже говорила тебе, мама, я не откажусь от Хемиуниса и не променяю его даже на самого Ра, Озириса или Гора. А еще я сделаю рисунки, как у тебя и даже лучше. Хемиунис мне уже и узор придумал. Все мое тело обовьют лотосы и розы.

– Только посмей нанести на себя это клеймо нашей принадлежности! Я разрисовала свое тело, потому что умирала с голоду. Да, я простого происхождения и, чтобы выжить, была вынуждена испещрить себя рисунками и отправиться танцевать обнаженной. Эти узоры составили часть моей нынешней славы и богатства, но у тебя другое предназначение. Если ты покроешь себя росписью, то уже никогда не сможешь стать уважаемой женой уважаемого человека. Самое большое, что будет тебя ожидать – это доля наложницы.

– Но я хочу быть танцовщицей.

– А Хемиунис? Захочет ли он иметь женой девицу, несущую отпечаток своего происхождения?

– Хемиунис будет любить меня всякой. Кроме того, он беден, а я, став лучшей танцовщицей, заработаю ему много денег.

– И это, конечно, его идея разрисовать твое тело?

– Нет, моя. Хемиунис был против, но я убедила его. Завтра я иду к нему, и он сделает мне узоры. Вот так, мама, я уже все решила, и у тебя лишь один способ остановить меня – это меня убить.

Реджедет замолчала, дерзко глядя на мать. Анукет задумчиво опустила голову.

– Значит, такова воля богов, – тихо проговорила старая танцовщица. – Хорошо, моя девочка, я не буду больше препятствовать твоим отношениям с Хемиунисом, но пообещай мне не предпринимать никаких действий до похорон Снофру.

– Почему? – удивилась Реджедет

– Да потому, глупая, что, если ты собралась танцевать, то пока тело Снофру не вручат богам, никаких празднеств не будет. А теперь убирайся, я хочу побыть одна.

Сбитая с толку, Реджедет выскользнула из комнаты. Старая танцовщица опустилась на пол и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Глава 3

Звездная Дева

Хенутсен, пытаясь отвлечься от только что разыгравшегося перед ее глазами печального зрелища, прогуливалась по саду. Юной царице не хотелось кому-либо попадаться сейчас на глаза. Хеопс запретил проявлять эмоции, но хрупкая натура молодой правительницы Египта требовала выхода чувств. Несколько раз осмотревшись по сторонам и, убедившись, что никто ее не видит, Хенутсен села прямо на влажную от утренней росы траву и, уткнув лицо в колени, горько расплакалась. Снофру, в котором, несмотря на отеческое отношение к девушке, трепетная Хенутсен так и не перестала чувствовать владыку, был все же близким ей человеком. Никогда не обращаясь к нему напрямую, Хенутсен ощущала поддержку этого мудрого богоравного мужчины. Снофру тоже, не вмешиваясь в дела юных супругов, незаметно помогал им: вскользь оброненным советом, ласковой улыбкой или строгим взглядом. Хенутсен и ее брат Амени рано лишились матери, а потом – и отца, но юная царица почти не помнила тех событий. Была тоска, была печаль, были какие-то погребальные обряды, но они, почему-то, не пронзали самое сердце. Возможно, просто она тогда была ребенком и еще не умела чувствовать. А возможно, родители не смогли окружить девочку такой подлинной теплой заботой, порождающей отзыв в самой душе. Ныне искреннее горе утраты заполняло сердце царицы. Отдавшись порывам страдающего сердца, Хенутсен не заметила, как к ней подошла какая-то девушка, на вид ее ровесница. Девушка была в длинном узком сверкающем серебряном платье, и в венке из странных сияющих, словно звезды, цветов. Она осторожно дотронулась до плачущей царицы. Хенутсен вздрогнула и подняла голову.

– Кто ты? – пробормотала Хенутсен, поспешно вытирая слезы. – Как ты посмела беспокоить меня?

– Я царица твоей звезды, – мягко проговорила незнакомка. – Называй меня Звездная Дева.

Хенутсен, еще не очень осознавая сказанное, встала на ноги.

– Какая звезда? Что говоришь ты? – спросила она. – Кто прислал тебя?

– Никто. Я сама пришла к тебе, хотя у нас это не принято. Я хочу спасти тебя.

– Спасти? Но от кого?

– От меня самой. Я – та, от кого зависит твоя жизнь. Я властвую над твоей звездой, хотя правильнее будет сказать, что звезда властвует надо мной.

– Я не понимаю твоих речей, – покачала головой Хенутсен. – Если ты какая – то посвященная жрица, то тебе надо говорить с Псамметихом, он великий мудрец. Мне же никогда не давались высшие знания. Расскажи все ему.

Звездная Дева непочтительно схватила царицу за руку.

– Ты должна меня понять! – воскликнула она. – Постарайся, это важно для твоего будущего, твоей жизни!

Хенутсен попыталась выдернуть руку, но Звездная Дева еще сильнее сжала запястье Хенутсен.

– Отпусти, – вскипела царица, – иначе я позову охрану!

– Не позовешь, никто не услышит тебя.

Хенутсен хотела закричать, но голос не послушался ее. Она испуганно посмотрела на свою захватчицу.

– Прости, но ты должна выслушать меня, – сказала Звездная Дева. – Не бойся, я желаю тебе лишь добра.

Хенутсен покорно затихла. Звездная Дева усадила ее на траву, и сама села рядом.

– Слушай внимательно, бедная царица, – проговорила богиня. – Все в жизни человека: и плохое, и хорошее зависит от его звезды. Звезды – не живые существа, а мертвые небесные

тела, которые движутся в просторах мироздания бездумно и бессмысленно. Что происходит на небе со звездой, то на земле происходит и с ее земным подопечным. Все боги – такие же подневольные существа. Правда, у них нет звезд-покровителей, но они вынуждены для каждого человека воплощать в жизнь то, что хаотично нарисует звезда. Не так давно, Хенутсен, твоя звезда проходила рядом с Солнцем, и я, ее царица, вознесла тебя к небывалому величию. После коронации Хеопса ты станешь правительницей Египта. Ты, почти безродная, босая девчонка! – богиня рассмеялась. – Но очень скоро ты все потеряешь, – став серьезной, проговорила она. – Великие бедствия обрушатся на голову твоего мужа, фараона, а вместе с ним – и на тебя. Возможно, ты даже умрешь. А, если выживешь, то безмерные страдания ожидают тебя...

Хенутсен, расширив глаза от ужаса, слушала Звездную Деву.

– Я пришла сказать тебе, бросай Хеопса. Беги немедленно из дворца, потому что пройдет совсем мало времени, и ты познаешь великое горе. Не бойся, я не оставлю тебя, ты рождена для выдающейся судьбы. Хеопс – не единственный царь на свете. Я приведу тебя в другое царство и сделаю так, что другой молодой красивый правитель женится на тебе. Ты станешь царицей, но в иной стране.

Хенутсен отрицательно покачала головой.

– Почему? – воскликнула Звездная Дева.

Хенутсен, не имея возможности говорить, положила руку на сердце.

– Что? Ты любишь его?

Молодая царица утвердительно кивнула.

– Теперь я перестала понимать тебя, – с досадой проговорила Звездная Дева. – Я возвращаю тебе голос.

Хенутсен с облегчением вздохнула.

– Да, я люблю моего мужа, – твердо проговорила она. – Я люблю не Хеопса, племянника и наследника фараона Снофру, не Хеопса, самого фараона Египта, не Хеопса – властителя, но Хеопса – человека. Он мой муж и владыка моего сердца. И какие бы испытания ни послали ему звезды, я до конца разделю с Хеопсом его судьбу.

– А если твоя жизнь окажется в опасности? Ты очень рискуешь, оставаясь с проклятым царем.

– Мне все равно. Я с благословением приму любой день, если со мной рядом будет Хеопс.

Звездная Дева пожала плечами.

– И ты утверждаешь, что не посвящена в таинства высших знаний, – проговорила она. – Уверена, что даже ваш мудрец Псамметих не обладает столь совершенным сердцем. Что ж, Хенутсен, я предупредила тебя, но ты сама выбрала себе судьбу, судьбу твоего несчастного мужа. Страдай же, бедняжка. И да помогут тебе все боги пережить испытания.

Звездная Дева испарилась легким серебристым туманом. Хенутсен поднялась и быстрыми шагами направилась к дворцу.

Глава 4

Вестник бедствий

Хенутсен поспешила к Хеопсу, чтобы рассказать о чудесном явлении Звездной Девы и ее пророчестве, но оказалось, что в этот час ее муж занят с Псамметихом. Верховный жрец Ра пришел к молодому фараону.

Солнце уже стояло в зените. На фоне солнечного диска, широко раскинув крылья, парил сокол. Хеопс, стоя у окна кабинета своего дядюшки, любовался величественным полетом гордой птицы.

– Плохое предзнаменование, – сказал Псамметих, посмотрев в небо.

– Почему? – удивился Хеопс.

– Смотри, мой царь, какую тень отбрасывают его крылья. Птица загораживает от тебя лик бога Ра. Тьма и бедствия надвигаются на Египет.

– Смерть моего дяди, мудрейшего фараона Снофру, повергла нас всех в горе, – сурово проговорил Хеопс. – Но все же, это еще не повод видеть везде лишь мрачные предзнаменования. И разве сокол не является покровителем царей? Быть может, это посланник Гора защищает Египет от палящих лучей солнца?

Псамметих недоверчиво покачал головой.

– Пусть боги услышат твои слова, мой повелитель, – проговорил он.

По случаю смерти фараона стены дворца затянули черной тканью, а в храмах стали исполнять погребальные гимны. Однако сам ритуал похорон мог произойти не раньше, чем через два месяца.

Сразу же после печального события во дворец пришли бальзамировщики. Тело мертвого правителя, в тишине и тайне, перенесли в особую мастерскую, где занималась исключительно мумифицированием покойных царского дома. Усопшего фараона положили на специальный каменный стол, в ноздри влили состав, который растворял мозг. Затем мастера мумификации железными длинными крючьями через ноздри извлекли размягченный мозг. Пока один из мастеров возился с головой умершего, другой взял большой нож, сделанный из кремния, и разрезал нижнюю часть живота.

Надев перчатки, он неторопливо вытащил все внутренности из мертвого тела. Каждый из органов: легкие, печень, кишечник, желудок помещался в отдельные сосуды, так называемые, каноны. Только сердце не удаляли. С ним покойный шел в загробный мир. По сердцу боги судили о деяниях человека. Хеопс и дрожащая, но всеми силами сдерживающая себя Хенутсен, наблюдали за страшным ритуалом. Прислонившись спиной к колонне и, сжав тонкие губы, юноша смотрел, как смерть разрушает величие. Царица, опустив глаза, украдкой глядела на Хеопса. Меньше суток назад Хеопс и Хенутсен чувствовали тепло этой руки, смотрели в эти глаза, полные выдающегося ума, слушали мудрые речи. А теперь перед ними лежала лишь оболочка того, кто заменил им отца, того, кого они искренне любили.

Хенутсен, будучи преданной своему мужу, согласилась разделить с ним зрелище этой церемонии до конца, и теперь пыталась не выдать своего ужаса. Кроме того, она надеялась поговорить с Хеопсом об услышанном прорицании.

После того, как все внутренности удалили, тело погрузили в ванну с натровым щелоком. Там оно должно было пролежать около сорока дней.

Наконец первый этап мумифицирования был закончен. Царственные супруги вернулись во дворец.

– Хеопс, – тихо проговорила Хенутсен, – мой возлюбленный муж и несравненный господин, я должна сказать тебе одну важную вещь. Это не праздная беседа.

– Для меня каждое твое слово – счастье. Говори, не бойся, свет моих глаз.

– Сегодня в саду мне было странное явление, – проговорила Хенутсен. – Передо мной предстала богиня, которая назвала себя Звездной Девой. Она что-то говорила о великих таинствах мира, о судьбе, но я не разбираюсь в таких вещах, и еще она сказала, что тебе грозит опасность. Я очень испугалась за тебя, мой повелитель, – юная царица робко прижалась к своему мужу.

– Тебе приснилось, моя птичка, – ласково проговорил Хеопс, перебирая шелковистые волосы Хенутсен. – Звездная Дева, судьба, странное пророчество – это был сон, порожденный твоим ранним сердцем. Ты, как и Псамметих, возвышенная натура, поэтому вполне естественные явления бытия, вроде смерти моего незабвенного дядюшки, нагнали печаль на его и твои мысли и чувства.

– Псамметих? – встревожилась царица. – Он необычайно мудр. Что он сказал тебе, мой повелитель?

– Какие-то пустяки о дурных предзнаменованиях. Дядюшка давно и тяжело болел, и бедняга Псамметих был все это время возле него, облегчая страдания. Он просто устал, как устала и ты, и мы все, переживая за нашего великого фараона. Не бери в голову, ласточка моя. Нас ждет блистательное будущее, и чтобы оказаться достойными памяти и славы несравненного Снофру, мы должны быть очень сильными и выдержанными, как и подобает тем, в чьих жилах течет кровь богов.

– Я простого рода, – тихо проговорила Хенутсен.

– Нет, ты стала моей женой и, значит, теперь в тебе тоже сила богов. Не бойся же ничего, моя возлюбленная жена.

Хеопс ободряюще улыбнулся молодой супруге, Хенутсен тоже улыбнулась Хеопсу, хотя волнение так и не угасло в ее сердце.

Хенутсен приказала привести к ней Псамметиха. Пока слуги разыскивали его, царица, прижимая руки к бьющемуся сердцу, в великом беспокойстве металась по своей комнате. Наконец верховный жрец Ра, грустный и величественный, явился к царице. Молодая женщина, едва мудрец вошел, бросилась к нему.

– Что ты предрек моему мужу? – выпалила она.

Псамметих тяжело вздохнул.

– Судьба быстрыми шагами настигнет всякого, а богоравного Хеопса – быстрее всех, – неторопливо проговорил он. – Но, впрочем, обречены мы все, и даже ты, благословенная царица.

Хенутсен вскрикнула.

– Что ждет моего супруга? – прошептала она.

– Большие бедствия. Они падут и на тех, кто находится даже в тени лучезарного Хеопса.

Псамметих замолчал, устремив взгляд в небо. Хенутсен тоже посмотрела туда, куда был направлен взор философа, но увидела лишь одинокого сокола, парящего в вышине.

Невольно она стала следить за гордым полетом птицы, и вдруг что-то зловещее уловила царица в движениях сокола.

– Он, словно хочет заслонить солнце, – испуганно пробормотала она.

Хенутсен покачнулась и упала на руки мгновенно подоспевшего Псамметиха. Хеопс был зван в покои молодой царицы.

Юная женщина, побледневшая и дрожащая, почти без чувств, лежала в постели.

– Хеопс, – бормотала она, – мой возлюбленный муж, я не брошу тебя. Я спасу тебя.

Ласки Хеопса и снадобья Псамметиха понемногу вернули сознание Хенутсен. Она обхватила фараона своими тонкими изящными руками и с силой прижала к себе. Меритенса, Аменхат и Анукет тоже пришли к молодой царице. Хенутсен приподнялась на ложе, и, метнув на них сверкающий диким блеском взгляд, зло проговорила:

– Я никому не отдам Хеопса! Слышите, никто из вас не посмеет причинить вред моему мужу! Я сама буду защищать нашего фараона!

– Ну-ну, моя ласточка, – успокаивающим шепотом проговорил Хеопс. – Все будет хорошо. Мне ничего не грозит. Успокойся.

Он повернулся к придворным. Вошедшие, кланяясь, поспешили покинуть комнату. Псамметих в нерешительности замер.

– Благодарю, мой мудрец, – сказал Хеопс. – Ты тоже на сегодня можешь быть свободен. Но далеко не уходи. Если что-то случится, я позову тебя.

Как только Псамметих ушел, фараон взял плачущую жену на руки и закружился с ней по комнате. Постепенно молодая царица успокоилась и, словно ребенок, уснула, прижавшись к груди властителя двух земель.

Глава 5

Царские похороны

Время, необходимое, чтобы телесная оболочка пропиталась бальзамирующим веществом, промчалось быстро, и в положенный срок Хеопс вновь вступил в мрачную мастерскую. Начинаясь следующая часть обряда. Теперь, чтобы придать приятный аромат, тело покойника наполняли кусками ткани, смоченной благовониями. Когда и этот этап завершился, мастера приступили к пеленанию мумии. Они достали льняные бинты, пропитанные камедью, и начали торжественно заворачивать каждую часть тела. Сначала – левую руку, потом – правую, пальцы, грудь, бедра. Между слоями бинтов вкладывались всевозможные амулеты. Лицо готовой мумии закрыли красивой золотой маской, покойника уложили в деревянный гроб. Хеопс протянул мастерам мешочек с драгоценными камнями. В ту благословенную эпоху Египет еще не знал денег, поэтому все расчеты производились ювелирными изделиями, драгоценностями или разными товарами. Мастера откланялись и удалились, в мастерскую вошли слуги. С великим почтением они подняли гроб и вынесли его наверх. За стенами дворца стояло странное сооружение, напоминающее сани, на них покоился огромный саркофаг. Гроб с мумией опустили в саркофаг, закрыли крышкой, похоронная процессия взяла шаг. Фараона Снофру египтяне любили, поэтому проводить его в последний путь вышли почти все жители Мемфиса. Сразу же за «саниями», которые неторопливо тянула шестерка сильных быков, шел Хеопс, его супруга и брат Хенутсен, худой бледный юноша, примерно ровесник Хеопса.

Амени, так звали шурина нового правителя двух земель, был далек от придворной жизни и предпочитал проживать в собственном доме в Фивах, который ему подарил Снофру. За ними, в соответствии с должностями, выстроились придворные. Первым в этой процессии, сразу же после царской семьи, шагал Псамметих, верховный жрец Ра, бога богов Египта. За Псамметихом следовал Меритенса, потом Аменемхат, замыкала шествие Анукет. Все остальные придворные и жрецы растянулись длинной вереницей вдоль набережной Мемфиса. Среди провожающих фараона была и красавица Реджедет, рядом с ней шел молодой человек, одетый, как эллин.

– Давай уедем с тобой куда-нибудь, – тихо говорил он. – в Гермополь, например, там, в храме Тота, нужны художники, или в Нубию.

– Уедем, – кивнула Реджедет, – видеть не могу это сборище.

– А ты не будешь скучать по маме?

– Конечно, нет, Хемиунис. Ты знаешь, – еще тише заговорила Реджедет, – я слышала, что мою мать называют колдуньей. В последнее время она ходит к Псамметиху, и я боюсь, что они опять меня чем-нибудь и положат в постель к Хеопсу.

– Негодяи, – сжал кулаки Хемиунис. – Я поговорю с Аменемхатом, он мудрый человек и придумает, как спасти тебя.

– Я не доверяю Аменемхату. Он хороший архитектор, но он тоже приятель моей мамы и, значит, будет на ее стороне. Нам нужно бежать, как можно быстрее. Анукет ненавидит тебя, она погубит нас.

– Я уже почти все подготовил к побегу. У меня есть некоторые сбережения, на первое время нам хватит, осталось купить лодку, на которой мы поплывем в Гермополь. Там я устроюсь храмовым художником. Ты не будешь голодать, моя Реджедет.

– С тобой я согласна на все, любовь моя. Только увези меня подальше отсюда.

В это время процессия подошла к причалу. Снофру выстроил свою пирамиду в местности Майдум, куда быстрее всего было добраться по Нилу. Фараона и его окружение уже ждали. Хеопс, Хенутсен, Амени и особо избранные знатные сановники, в число которых входили: Псамметих, Аменемхат, Меритенса и Анукет поднялись на борт царского корабля, туда же

слуги втащили саркофаг. Другие приглашенные сопровождали траурную процессию на своих судах, ладьях и плотах.

И вот корабли достигли Майдума. Саркофаг осторожно спустили на землю и все шествие, выстроившись в прежнем порядке, отправилось по направлению к пирамиде. Приближался самый торжественный миг церемонии. В ритуал включились специальные жрицы-плакальщицы. Красивая песня, от которой сердце готово было разорваться, зазвучала под ясным египетским небом. Стройные черноволосые девушки исполняли «Плач Изиды». Очень давно так оплакивала своего погибшего мужа Озириса великая богиня.

– Боги, – возносились к небу слова гимна, – и люди перед лицом богов, плачут по тебе вместе со мной! Слушай! Я взываю к тебе и плачу так, что плач мой достигает небес...

Нежная чувствительная Хенутсен, услышав первые печальные строчки песни, пошатнулась, но твердая рука супруга удержала ее. Амени тоже был готов упасть в обморок. Молодой фараон бросил суровый взгляд на брата жены, от которого юноша сразу пришел в себя.

Наконец погребальная процессия достигла усыпальницы. Теперь возглавить ритуал пришла очередь новому царю Египта. Псамметих подал свиток. Хеопс развернул манускрипт и четким, без малейшей дрожи голосом, прочитал священный текст.

– Великий Снофру, – обращался новый фараон к предшественнику, – ты достигнешь царства Ра. Ты содеял много милостей, ты не совершал несправедливостей против людей, ты не был жесток к животным, ты не делал того, что не угодно богам...

Египтяне знали, что подобный текст предстоит произнести душе усопшего, прежде чем боги позволят ей войти в царство Ра. И, если душа солжет хоть в одном из пунктов, то солнечный бог изгонит ее из своего рая. Сейчас молодой правитель Египта свидетельствовал, что его предшественник являлся достойным человеком и заслужил счастья после смерти. Закончив чтение, Хеопс вернул свиток жрецам, и сам вновь занял свое место возле супруги. Саркофаг внесли в пирамиду. Только Хенутсен, Амени и лучшие друзья Снофру сопровождали Хеопса.

Здесь, при помощи крепких тросов, саркофаг опустили в специальную камеру, куда уже заранее положили любимые вещи умершего фараона: его оружие, одежду, украшения. Находились там и миниатюрные фигурки приближенных царя, чтобы их образ радовал душу покойного. Когда гроб достиг пола камеры, тросы отпустили, а вход запечатали. Погребальная церемония завершилась. Хеопс еще раз оглядел внутреннее убранство пирамиды. Великолепные статуи, изображающие Снофру в самом расцвете его силы и величия, замерли вдоль стен, прекрасные росписи, представляющие сцены из жизни Ра, Озириса, Изиды и других богов, торжественно сияли в свете факелов, аромат благовоний наполнял воздух.

– Прощай, мой великий дядюшка, – тихо сказал Хеопс.

Он коснулся губами плиты, которая закрыла вход в усыпальницу Снофру, потом резко поднялся.

– Пойдемте, – властно приказал он сопровождавшим.

Хенутсен, которая от насыщенного воздуха готова была потерять сознание, спотыкаясь, поспешила к выходу.

Когда последний человек покинул гробницу, вход в пирамиду заложили камнями. Началось новое царствование.

Глава 6

Коронация

Торжественная церемония коронации состоялась через несколько дней после похорон Снофру. В сопровождении пышной свиты и охраны Хеопс подъехал к величественному храму Ра. Все жрецы вышли его приветствовать. Фараон и Хенутсен вступили в святилище солнечного бога. Придворные, жадные до зрелищ и милостей, заполнили весь храм. Псамметих усадил Хеопса и Хенутсен на роскошные троны, которые, на высоком возвышении, были установлены у ног огромной статуи мужчины с короной на голове.

– Великий Ра и все боги свидетели, – проговорил верховный жрец. – Сын Солнца вззошел ныне на трон Египта. Возрадуемся же и вознесем хвалу богам за их милость, дарованную нам!

Под сводами храма зазвучали величественные слова приветственного гимна Солнцу.

Хенутсен охватило небывалое волнение. Она вспомнила, как некоторое время назад, здесь, в этом святилище солнечного бога, Хеопс взял ее в жены. Хенутсен и ее брат Амени были детьми одного из самых незначительных придворных писцов. Их мать рано умерла, и отец, не имея средств взять себе новую жену, был вынужден воспитывать детей один. Однако, несмотря на довольно бедную жизнь, должность отца позволяла Хенутсен и Амени гулять в царском саду. Во время одной из этих прогулок брат и сестра познакомились с юным наследником. Очень скоро они сдружились. Амени и Хеопс весело играли в разные игры. В тихую и скромную Хенутсен царевич же влюбился с первого взгляда. Девочке тоже понравился изящный белокурый юноша, с внешностью, не свойственной смуглым египтянам. Хеопс и Хенутсен стали встречаться, царевич дарил ей цветы и подарки, лазил для нее за фруктами на самые высокие деревья, пел звонким мальчишеским голосом песни, которые сам и сочинял. Когда внезапно умер отец Хенутсен и Амени, Хеопс не отходил от безутешной девочки ни на шаг, принося ей каждый день все новые и новые подарки и угощения. В конце концов, Хеопс сказал девушке:

– Я люблю тебя, стань моей женой.

Хенутсен растерялась и смутилась, но Хеопс, даже не дожидаясь ответа, взял девочку за руку и побежал, увлекая ее за собой.

– Куда ты? – испугалась Хенутсен, следуя за царевичем.

– Не бойся, – крикнул ей на бегу Хеопс, – мой дядя очень хороший! Он одобрит наш брак.

Они стремительно промчались по лестнице и влетели в какой-то огромный зал. От волнения Хенутсен даже ничего не смогла сначала понять. В зале стояли столы, за которыми расположились нарядно одетые люди, а чуть подальше, на небольшом возвышении, находился другой стол, за которым возлежал пожилой мужчина. Хеопс, не отпуская Хенутсен, по ступенькам взбежал на возвышение, встал напротив этого одинокого человека и громко выпалил:

– Повелитель, вот моя невеста. Я женюсь на ней!

Фараон внимательно посмотрел на детей. Его лицо было строгим, но глаза излучали ласковый свет.

– Ты опоздал к обеду, Хеопс, – неторопливо проговорил он, – и это большой проступок. Но еще большая твоя вина в том, что ты не приглашаешь к столу свою невесту. Садись, милая девочка, и не отказись разделить с нами трапезу, – обратился он к Хенутсен.

Глаза Хеопса сияли от счастья, а Хенутсен была ошеломлена. Слуги принесли ей табурет, она робко присела на краешек. Сквозь большое волнение она понимала, что сидеть за одним столом с мужчиной да еще с царем – это высшая честь не только для женщины, но для любого самого знатного вельможи. Ей подали угощение. Девушка, не смея поднять глаз, принялась есть. От паники, охватившей ее, она даже не ощущала вкуса. Мысль, что сам правитель двух объединенных земель, сын бога Солнца, сидит рядом с ней, приводила ее в трепет. Во время обеда Снофру что-то спрашивал у нее, она бестолково отвечала, но царь Египта не сердился,

его глаза светились добротой. После обеда, отпустив придворных, он подвел Хеопса и Хенутсен к окну. Солнечные лучи осветили хрупкую фигурку девочки в скромном платье, с растрепавшимися волосами, которые она так и не осмелилась поправить при фараоне, сандалии из грубой кожи.

– Как тебя зовут, малышка? – ласково спросил Снофру.

– Хенутсен, – прошептала девочка и спряталась за спину Хеопса.

Взгляд царя стал серьезным.

– Скажи, Хеопс, – строго сказал фараон, – как глубоки твои чувства к этой девушке?

– Я люблю Хенутсен всем сердцем, – пылко воскликнул юный наследник, – она для меня – свет ночью и звезда днем!

Хеопс пал ниц, Хенутсен сделала то же.

– Мой царь, – сказал Хеопс, – как последний из твоих подданных, я молю тебя о великой милости. Не разлучай меня с моей избранницей.

Искренние слова юноши взволновали мудрого царя.

– Встаньте, дети, – растроганно проговорил он, а потом обратился к Хенутсен: – А ты, юная дева, испытываешь ли схожие чувства к моему племяннику?

– Да! – воскликнула девушка.

Хенутсен не могла найти нужных слов, чтобы выразить свою любовь, но ее большие широко распахнутые глаза говорили все за нее.

– Я тебе верю, прекрасная Хенутсен, – сказал Снофру, он повернулся к царевичу и проговорил: – Хеопс, я одобряю твой выбор, будь же великодушным мужем для Хенутсен, а ты, прекраснейшая среди девиц, стань хорошей женой для моего племянника, будущего властителя Египта.

Через несколько дней в храме Ра, возле той самой статуи, где сейчас происходила коронация, состоялась их свадьба. Хеопс взял девушку за руку и, подведя к образу бога, произнес священную фразу:

– Ра и все боги свидетели моим словам, отныне Хенутсен – моя жена, и только смерть разорвет наш союз.

Худенький и болезненный Амени, который не пожелал делить тяготы придворной жизни, получил в подарок роскошный дом в Фивах.

Ныне не взволнованный мальчик стоял перед скульптурным изображением Ра, а подлинный царь Египта, красивый и величественный. Высокая двойная корона покрыла белокурые волосы Хеопса.

– Эта шапка, – провозгласил Псамметих, – означает Верхний и Нижней Египет. Теперь на твою голову возложена забота о двух землях, подаренных нам самим Ра.

Верховный жрец солнечного бога взял с подноса, который держал один из служителей храма, посох и цеп и вручил их Хеопсу.

– Как хороший пастух храни и береги свой народ, – сказал Псамметих. – А этим цепом наказывай порочных и преступных.

Теперь настала очередь вступить в церемонию Хенутсен, Псамметих заранее подготовил юную женщину к ритуалу. Хенутсен опустилась на колени перед своим богоравным мужем. Хеопс положил свои символы власти на подушку, поднесенную Псамметихом, и верховный жрец передал фараону кувшинчик с ароматной жидкостью. Хенутсен, сама не зная почему, затрепетала, она украдкой посмотрела на супруга. Лицо молодого царя было спокойным и суровым, но в его больших серых глазах царица увидела нежность, заботу и лукавые искорки мальчишеского задора. Хенутсен успокоилась, веселье охватило ее сердце

– Моя возлюбленная жена, – торжественно, но, вместе с тем с глубоким уважением, проговорил Хеопс, – я очищаю тебя этой водой жизни и процветания, долговечности, здоровья

и радости всевозможной, чтобы ты могла праздновать свой юбилей столь часто, подобно Ра в вечности!

Фараон перевернул кувшинчик, и нежная влага, источающая божественный аромат, пролилась на плечи и голову Хенутсен. Потом Хеопс поднял женщину и, взяв ее за руку, сделал несколько шагов вперед, словно собираясь приблизиться к собравшимся.

Церемония коронации завершилась.

– Поприветствуем нового царя Египта, – объявил верховный служитель бога Солнца.

Через окна святилища лился яркий солнечный свет. Он падал на стоящих вокруг жрецов, и казалось, что их белоснежные одеяния излучают сияние. Грянул торжественный гимн, прославляющий нового фараона:

– Ра озарил Египет своей бесконечной милостью. Сын его лучезарный вновь среди нас!

Глава 7

Болота Фаюма

По прошествии нескольких дней, когда все успокоились после важного события, Хеопс собрал свой первый государственный совет. Твердым уверенным шагом, хотя сердце стучало от волнения, молодой фараон вошел в зал заседаний. Придворные стояли перед возвышением возле трона и ждали появления царя.

– Приветствую вас, друзья мои, – сказал Хеопс.

Прохлада дерева резного царского кресла коснулась спины нового правителя. Хеопс невольно вздрогнул. Раньше здесь сидел сам великий Снофру, молодому царю на миг показалось, что он слышит спокойный, немного насмешливый, голос мудрого фараона. «Дядюшка, поддержи меня», – мысленно проговорил он. Хеопс окинул взглядом собравшихся. Все лица были хорошо знакомы: Псамметих, Аменемхат, Меритенса, еще некоторые придворные. Высокопоставленные чиновники прошлого царствования с интересом, в котором чувствовалось напряжение, глядели на нового фараона.

– Господа, – начал царь, – ясноокий Ра в своей безграничной милости даровал нам прекрасные земли. И наш священный долг заботиться о них. Великий Снофру сделал много для процветания и умножения славы Египта, но нам надлежит совершить еще больше. Все вы знаете провинцию Фаюм. Нил орошает ее земли своими водами. Она могла бы стать плодороднейшим краем, а вместо этого Фаюм остается безлюдным болотом! А Гиза? Сейчас эта долина представляет собой пустыню, наполненную камнями и песком. Однако, если без лени взяться за работу, то очень скоро и пустая земля превратится в прекрасный оазис. Я решил начать мою деятельность с преобразований Фаюма. Сегодня же я отплываю туда, и я желаю, чтобы ты, Аменемхат, ты, Меритенса, и ты, Псамметих, поехали вместе со мной.

Хеопс поднялся, собираясь уйти. Самое короткое совещание в истории Египта было окончено. Однако внезапно Псамметих распростерся у подножия трона, глаза жреца лихорадочно блеснули.

– Не делай этого, мой царь! – закричал он.

– О чем ты? – удивился Хеопс.

– Я говорю о твоём желании посетить Фаюм! Кровь лежит на той земле, и Нил до сих пор не может ее смыть! Кровь варваров смешалась с кровью божественного Менеса!

– Успокойся, – сказал Хеопс, – это очень давняя история. И, кроме того, если мы преобразуем эту территорию, то почтим память великого Менеса. Мы покажем, что его страдания в борьбе за Фаюм не были напрасны. Впрочем, может, ты, Псамметих, не хочешь сопровождать меня в этой поездке?

Верховный жрец Ра, опустив глаза, молчал.

– Ты мне нужен в Фаюме, – сказал Хеопс, – ты великолепно разбираешься в травах, твои познания незаменимы в исследованиях болот. Я знаю, ты любишь цветы, а эти земли усыпаны диковинными растениями. Твоя мудрость найдет там себе достойную пищу.

– Ты прав, мой царь, – прошептал пристыженный Псамметих, – прости меня. Я не желал оскорбить тебя. Я просто беспокоюсь за твою жизнь.

– Ты хороший и очень умный, – улыбнулся фараон, – ты преданно служил моему дядюшке и уверен, что также верно послужишь и мне.

Псамметих низко поклонился молодому царю.

Хеопс вышел из зала заседаний.

К полудню к набережной Мемфиса, где стоял царский корабль, прибыли придворные, приглашенные Хеопсом. Охрана проводила их к царю. Кроме высокопоставленных лиц с Хеопсом плыли лучшие архитекторы и строители, тут же, на корабле, молодой фараон устроил совещание по поводу будущих строительных работ.

И вот Хеопс и его окружение ступили на болотистые земли Фаюма. Хеопс был весел и оживлен. Не обращая внимания на назойливых насекомых и прочую живность, он со всей страстью отдался изучению местности. Много тайн хранил Фаюм. Когда-то здесь жили жестокие племена; Менесу, первому фараону Египта, стоило большого труда покорить дикий народ. В кровопролитной битве Менес одержал победу, но сам был тяжело ранен. Потомки первого царя Египта не раз пытались заниматься Фаюмом, но болота, словно впитали в себя дух непокорного вождя. Все работы завершались, едва успев начаться.

Пройдут века, и мир склонится перед великим мастерством фаюмских художников...

– Да, я не ошибся, – говорил довольный Хеопс, – эти земли действительно можно привести в угодный богам вид. Если хорошо поработать, то очень скоро здесь будет чудесный плодородный край.

Фараон провел в Фаюме несколько дней. Он лично наблюдал за всеми проводимыми исследованиями. За это время молодой царь со своей свитой прошел почти всю эту влажную территорию. Псамметих, по его приказу, собрал по образцу каждого из растений, взял пробы воды и почвы. Ночами, когда все окружение царя в своих палатках пыталось уснуть, фараон и Меритенса подсчитывали стоимость предстоящих работ. Наконец, все исследования завершились, пора было возвращаться во дворец. Хеопс поднялся на борт судна. Однако едва он оказался на палубе, как почувствовал сильное головокружение. Хеопс пошатнулся.

– Что с тобой, мой царь? – взволнованно спросил Псамметих, подбегая к фараону.

– Ничего, – несколько раздраженно проговорил Хеопс, – я обо что-то споткнулся. Распорядись, чтобы прибрали здесь.

Недовольный собой и своим странным недомоганием, правитель Египта поспешил удалиться в свой шатер. «Что со мной? – размышлял он, лежа на низенькой постели. – Неужели воздух болот так повлиял на меня?» Хеопсу очень захотелось пить, он позвал слугу и приказал, чтобы ему принесли воды. Слуга подал кувшин с водой. Меньше, чем за час фараон осушил весь объемный кувшин, но так и не утолил жажду. Пот градом лился по челу царя, голова кружилась и болела. Хеопс велел позвать к себе Псамметиха.

– Я нездоров, – сказал он верховному жрецу Ра, – посоветуй мне что-нибудь. Какие травы помогут при моей болезни?

– Дыхание болот бывает очень коварным, – проговорил Псамметих. – Ты, божественный, надышался вредоносных болотных испарений. Пей больше воды, и ядовитые пары покинут твое тело.

– Но вода не приносит мне облегчение! Чем больше я пью, тем сильнее я испытываю жажду. Я готов выпить весь Нил.

– Иного способа вылечить тебя не существует, мой несравненный повелитель, – развел руками Псамметих. – Имей терпение и болезнь оставит тебя. Твой дядюшка, царственный Снофру, понимал всю силу болот, поэтому и не спешил трогать эти неизведанные местности. А ты так грубо вторгся на них. Богам виднее, какие земли делать годными для житья, а какие – оставлять проклятыми.

– Земля не может быть проклятой, – проговорил, задыхаясь, Хеопс. – Она вся – величайший дар богов.

– Но боги наказали тебя, мой повелитель, за излишнюю смелость.

– Если они и наказали меня, то не за мое стремление преобразить мир. Иди, Псамметих, я благодарю тебя за советы. Если ты мне понадобишься, я обращусь к тебе.

Верховный служитель Ра, откланявшись, ушел. Хеопс, мучаясь от жары, раздвинул тяжелые шторы и вышел на палубу. Дышать стало легче. Однако невероятная усталость заставила фараона вернуться к себе и вновь лечь на постель. «Возможно, боги действительно сердятся на меня? – думал молодой царь. – Но за что? Я был непочтителен к ним? А, может, незаслуженно обидел кого-нибудь из моих подданных? Или я стал невнимателен к жене? Да, – про-

должал размышлять Хеопс, – боги правы, в последнее время я уделяю мало времени Хенутсен, но слишком много дел сейчас приходится улаживать».

– Великий Ра, – прошептал Хеопс, – я подарю твоему храму золотую статую твоей любимой дочери Сехмет, но прикажу ваять ее с образа Хенутсен.

Речная прохлада освежила и успокоила фараона. Он задремал. Почти совсем здоровым покинул царь свой корабль. Головная боль прошла, а приступы жажды стали не такими сильными.

Слуги неторопливо несли носилки Хеопса по улицам Мемфиса, вскоре показался дворец. В ожидании скорой встречи с женой, сердце молодого правителя радостно забилось. У крыльца носильщики остановились, фараон сошел на землю и собрался подняться по лестнице, но вдруг из дворца выбежал какой-то юноша и пал ниц перед царем.

– В чем дело, Сабу? – спросил Хеопс, ощущая в этом порыве отчаяния слуги, надвигающуюся беду.

– Несравненный повелитель, – простонал Сабу, – царственная Хенутсен умирает.

– Что? – воскликнул фараон, холодея. – Где она?

Хеопс, забыв о предписываемой царям Египта сдержанности, бросился за посланником. Фараон стремительно промчался по лестницам дворца и влетел в спальню Хенутсен. Молодая царица неподвижно лежала на роскошном ложе. Хеопс, не обращая внимание на присутствие слуг, обнял супругу и нежно прижал ее к себе.

– Что с тобой, ласточка моя? – проговорил он.

Молодая женщина не шевелилась. Ее прекрасные глаза были закрыты и, казалось, что жизнь уже покинула это хрупкое тело.

– Очнись же, любимая, – говорил Хеопс, осыпая поцелуями лицо, волосы, шею жены. – Я с тобой, радость моя... Эй, лодыри, – крикнул фараон, – Псамметиха немедленно сюда! Как это случилось? – обратился правитель к стоящему рядом напуганному Сабу.

– Вскоре после твоего отъезда, божественный, – сказал юноша, – царственная Хенутсен почувствовала себя плохо. Она легла и больше уже не вставала.

Слуги привели Псамметиха. Верховный жрец Ра осмотрел царицу.

– Что с моей женой? – спросил Хеопс.

– Такова воля богов, – печально проговорил Псамметих. – Молодая повелительница приближается к царству Ра.

– О нет! – закричал Хеопс. – Нет! Нет! Нет! – Он схватил Псамметиха за плечи. – Спаси мою жену, ты же мудр, как бог! Озолочу!

– Увы, – покачал головой Псамметих, – мое искусство, как, впрочем, и искусство любого другого врача, в данном случае, будет бессильно. Пресветлая Хенутсен уже переступила порог, отделяющий наш мир от небесных садов бога богов. Через несколько часов она взойдет в солнечную ладью Ра.

Хеопс издал крик отчаяния.

– Сделай же что-нибудь! – закричал фараон. – Во имя твоей любви к моему дядюшке Снофру!

– Я ничего не могу сделать, – сурово проговорил Псамметих.

– Я приказываю тебе вернуть здоровье моей жене! Иначе ты будешь казнен!

– Твоя воля, мой царь, – склонил бритую голову Псамметих. – В твоей власти лишить меня жизни, но только, если боги отвернулись от твоего дома, то даже тысячи смертей твоих верных подданных не пошлют тебе милость богов.

– Я не верю, что Ра отвернулся от меня! – воскликнул Хеопс.

В это время в комнату вновь вбежал Сабу, мальчик распростерся у ног фараона.

– Что еще случилось? – прорычал царь.

– Твой казначей, повелитель, убит, – всхлипнул слуга. – Тело господина Меритенсы с ножом в груди нашли в одном из коридоров дворца.

Хеопс еле сдержал себя, чтобы не застонать от очередной свалившейся на него беды.

Бедный Меритенса, – тихо сказал правитель, – он преданно служил еще моему дядюшке. Честный неподкупный человек... Сабу, – приказал он, – распорядись, чтобы тело Меритенсы перенесли в Белый зал, я сейчас приду туда. А ты, Псамметих, уходи. Мне не нужна помощь людей.

Сабу и Псамметих удалились. Фараон глубоко вздохнул, миг постоял возле двери, потом уверенно распахнул ее и твердым шагом вышел из покоев жены. Подняв гордую царственную голову, Хеопс прошествовал в Белый зал, куда уже перенесли мертвого казначея.

Светлым и радостным был Белый зал: высокие белоснежные колонны, мраморные стены, огромные окна, через которые лилось яркое солнечное сияние. Окровавленного Меритенсу положили на стол, стоящий посреди зала. Красные цветы крови забрызгали чистый прохладный пол. Хеопс приблизился к покойному. Несколько минут отрешенно в полной тишине он стоял над убитым, и присутствующие не знали, читает ли фараон молитву или размышляет, после чего правитель сказал:

– Я отправляюсь в храм Ра, и пусть бог над всеми богами откроет мне истину.

Псамметих собрался последовать за царем, но Хеопс властно остановил его.

– Нет, ныне мне не нужны посредники, я буду сам вопрошать богов.

Верховный жрец Ра, побледнев от обиды и негодования, низко поклонился фараону.

Глава 8

Храм бога Солнца

Едва Хеопс вышел из Белого зала, как вновь испытал приступ головокружения. Однако, не обращая внимания на недомогание, он поехал в храм солнечного бога. По дороге царь, не переставая, пил воду, но сильная жажда не утихала. У входа в святилище Хеопс приказал своей охране:

– Выгоните всех на улицу, я буду наедине говорить с солнцеликим Ра.

В несколько минут стражи очистили храм.

– А теперь ждите меня здесь, – распорядился фараон, – и пусть никто не смеет являться без моего приказа.

Царь Египта вступил под своды величественного здания. Звук шагов эхом отдавался в пустынном зале. Хеопс приблизился к огромной статуе бога и встал перед ней.

– Великий Ра, – воскликнул он, – почему ты отвернулся от моего дома? Чем я прогневал тебя, что ты решил положить конец моей династии, лишил меня верного друга, окружил врагами?

В храме было прохладно, но фараон невыносимо страдал от жары, пот струился по его лицу, очень хотелось пить. Хеопс чувствовал, что еще немного, и он упадет в обморок. В изнеможении царь прислонился спиной к колонне.

– За что? – прошептал он, устремляя взгляд вверх, где на недостижимой для человека высоте, находилась голова скульптуры. Перед глазами фараона поплыл туман. Словно сквозь пелену Хеопс увидел, как из-за фигуры божества вышел какой-то человек.

– Принеси мне воды, – попросил правитель.

Незнакомец приблизился к фараону.

– Нет, великий царь, я не могу исполнить твой приказ, – красивым голосом, в котором слышался чужеземный акцент, проговорил подошедший.

– У тебя злое сердце или ты такой жадный? – спросил Хеопс, силясь разглядеть дерзкого человека. – Я прошу у тебя только воды.

Фараон пошатнулся, и в тот же миг сильные руки подхватили его и усадили на скамейку. Приступ слабости отступил, Хеопс ясно увидел незнакомца. Перед ним стоял очень высокий мужчина лет 45-ти, с бронзовой кожей, черными, как смоль, волнистыми волосами и синими сапфировыми глазами.

– Прости меня, несравненный царь, – сказал незнакомец, – я не думал дерзить тебе. Я лишь хотел сказать, что вода при твоей болезни принесет только вред.

– Кто ты? – спросил Хеопс, внимательно глядя в лицо этого странного человека.

– Меня зовут Мелонис, – учтиво поклонился он, – я жрец в этом храме.

– Как ты посмел не послушаться моего приказа и остаться здесь?

– Прости меня, пресветлый царь, но я не слышал твоего приказа.

– Почему?

– Я был занят работой.

– Чем ты занимаешься, Мелонис?

– Я врач, мой царь. Я готовил лекарственные отвары.

– Ты искусный врач?

– Я познавал тайны исцеления на своей родине. Я с Крита. Потом совершенствовал свои знания в святилищах Индии, Шумера, в далеких варварских странах. Смею надеяться, что я весьма сведущ в своем деле.

– И ты мог бы вылечить меня и мою жену?

– Твоя болезнь, повелитель, мне уже ясна, а вот твою царственную супругу я должен сначала осмотреть. Если ты позволишь, я займусь и твоим, и ее лечением.

Хеопс схватил жреца за руку.

– Если ты исцелишь мою жену, я сделаю тебя правителем любого нома, который ты выберешь!

– Я признателен тебе за щедрость, владыка, – поклонился Мелонис, – но, если мое лечение будет удачным, то благодари не меня, а богов. Жизнь и смерть человека в их руках.

– Я принесу богатые жертвоприношения в этот храм!

– Это, как ты пожелаешь, повелитель. Однако о награде поговорим позже. Расскажи мне прежде о недуге, поразившем тебя и бесподобную царицу.

– Я даже не знаю, что тебе сказать, – вздохнул Хеопс. – Эта болезнь удивительна. Моя жена лежит, словно мертвая, и жизнь медленно покидает ее. Я тоже теряю силы.

Мелонис задумался.

– Да, я понимаю, повелитель, что случилось с тобой и несравненной царицей Хенутсен. Я смогу вылечить.

– Я слышу слова или бога, или величайшего волшебника! Даже мой лекарь Псамметих оказался бессилем.

– Он не так брался за дело, – усмехнулся Мелонис. – Но не будем терять время, мой царь. Сейчас я соберу свои инструменты и нужные травы, и мы поедем в твой дворец.

Мелонис поклонился и скрылся за какой-то маленькой дверкой в стене. Вскоре он вышел оттуда, через его плечо была перекинута небольшая льняная сумка, в руке он держал кубок.

– Выпей, повелитель, – проговорил жрец, протягивая кубок царю. – Это еще не вылечит, но лихорадка отпустит и тебе будет легче доехать до дома.

От напитка исходил приятный аромат. Хеопс нерешительно взглянул на Мелониса, жрец улыбнулся и, ни слова не говоря, отпил несколько глотков снадобья. Фараон осушил весь кубок. Отвар оказался не только чудесным по запаху, но и очень вкусен. Едва удивительное лекарство проникло в организм царя, как Хеопс ощутил необычайный прилив сил. Он легко встал на ноги.

– Великий Ра, – воскликнул фараон, – твоё лекарство творит чудеса и необычайно приятно! Оно вкуснее лучшего вина. Я все больше убеждаюсь, что ты не разочаруешь меня.

– Молись богам, мой царь, – загадочно проговорил жрец, – и они услышат тебя.

Хеопс и Мелонис покинули храм. Правитель усадил служителя Ра в свои просторные носилки, и сам сел рядом с ним. Мелонис удобно расположился на подушках и прикрыл глаза. Хеопс попытался еще поговорить со жрецом, но Мелонис лишь загадочно улыбнулся фараону.

– Боги не оставят тебя, мой царь. Молись и веруй.

Глава 9

Личный друг фараона

Царь проводил жреца в комнату, где лежала Хенутсен. Мелонис склонился над бесчувственной царицей.

– Да, – проговорил верховный служитель Ра, закончив осмотр, – мои подозрения оправдываются. – Он повернулся к правителю. – Мой повелитель, – сказал Мелонис, – счастлив сообщить тебе, пресветлая Хенутсен будет жить.

– Ты лучший из лекарей, жрец! – воскликнул Хеопс.

– Благодарить будешь после, владыка, – сказал Мелонис.

– Ты делаешь меня счастливейшим человеком на свете, но скажи мне, премудрый жрец, в чем причина этого странного недуга?

– Яд, – спокойно проговорил Мелонис.

– Яд? – содрогнулся Хеопс.

– Да, – кивнул жрец Ра. – Но имя преступника мы узнаем чуть позже. Сейчас же выздоровление твое и царицы важнее.

– Ты сможешь найти предателя? – спросил Хеопс.

– Да, если боги помогут мне.

– Я вижу, ты наделен дивными способностями, жрец.

– Нет, – покачал головой Мелонис, – все, что я умею и знаю – результат моих долгих странствий и учебы.

Действие снадобья, данного фараону Мелонисом в храме Ра, заканчивалось, и царь вновь стал испытывать приступы болезни. Он обхватил пылающую голову руками.

– Тебе надо бы прилечь, государь, – посоветовал правителю Мелонис.

– Нет, – решительно ответил Хеопс, – пока я не увижу, что здоровье возвращается к жене, я не смогу думать о себе.

Мелонис наклонился над Хенутсен и стал произносить странные заклинания на непонятном языке. Сознание Хеопса начало туманиться. Фараон пытался бороться с охватившей его слабостью, но глаза сами собой закрывались. Вновь сильные руки жреца поддержали его, царь чувствовал, как Мелонис усадил его в кресло, стоящее в углу спальни. Последнее, что увидел царь, – в руке Мелониса какой-то блестящий серебристый предмет, напоминающий формой крест. Правитель Египта лишился чувств.

Очнулся Хеопс оттого, что кто-то осторожно дотронулся до его плеча. Фараон открыл глаза. Около него стоял Мелонис.

– Ты, кажется, заснул, мой царь, – сказал жрец. – Я посмел побеспокоить тебя, потому что уже завершил лечение богоподобной Хенутсен и теперь готов заняться тобой.

Хеопс подбежал к жене. Молодая женщина спала тихим безмятежным сном. Фараон прижался губами к губам Хенутсен. Царица открыла глаза.

– Слава великому Ра! – воскликнул Хеопс, обнимая вернувшуюся к жизни супругу.

Хенутсен, уткнувшись в плечо мужа, разрыдалась.

– Мне было так страшно, мой возлюбленный повелитель, – проговорила она. – Я не могла пошевелиться и все спала и спала. Просыпалась и вновь падала в бездну.

Хеопс гладил царицу по длинным волосам.

– Все уже позади, моя ласточка, – сказал он, – ты была больна, но теперь ты здорова. И вот человек, вылечивший тебя. Подойди ближе, Мелонис, – обратился фараон к жрецу.

Мелонис, который, чтобы не беспокоить супругов, удалился вглубь спальни, вышел из тьмы.

– Это Мелонис, – сказал Хеопс, – царь среди врачей и служитель бога богов.

Хенутсен вытерла слезы и ласково улыбнулась жрецу.

– Благодарю тебя, мудрец, – прошептала она.

– А теперь тебе надо отдохнуть, – заботливо проговорил Хеопс, – утром эта болезнь покажется лишь тяжелым сном.

Фараон поцеловал жену и покинул спальню.

– Нет слов, чтобы выразить мою благодарность, Мелонис! – сказал правитель.

– Теперь, когда царица вне опасности, пора заняться и тобой, повелитель, – проговорил жрец.

Мелонис был прав. Царь Египта чувствовал себя очень плохо. Только невероятным усилием воли он держался на ногах. Собрав последние силы, Хеопс дошел до своих покоев, где упал на ложе. Мелонис приступил к лечению фараона. Очень скоро снадобья жреца сделали свое дело, Хеопс пришел в себя.

– Тебе тоже необходим отдых, мой царь, – сказал жрец. – Ты много пережил за сегодняшний день.

– Я не могу спокойно спать, когда в моем доме появился предатель! В опасности не только моя жена, я сам, но и государство. Ты обещал помочь обнаружить злодея.

– Я помню о своем обещании, – спокойно проговорил Мелонис. – И я уже сейчас готов назвать имя преступника.

– Кто он? – с нетерпением воскликнул Хеопс.

– Это Псамметих, верховный жрец Ра.

– Псамметих? – растерялся Хеопс. – Но ты не ошибаешься? Кто сказал тебе это?

– Боги открыли мне имя предателя.

– Псамметих мудрый человек, он служил еще моему дядюшке, великому фараону Снофру. Какой смысл ему совершать преступление против меня?

– Боги знают истину. Поговори с Псамметихом, и я уверен, он не устоит перед твоим величием и все расскажет. Солнцеликий Ра лишь указал мне на этого человека, но не сообщил ни причин, ни подробностей покушения. Мне тяжело говорить такие вещи: Псамметих – мой господин.

– Твой господин на земле, жрец, – я, а мы все – рабы богов.

– По требованию богов, я и открываю тебе его имя.

Хеопс в раздумьях прошелся по комнате.

– Возможно, ты правильно истолковал слова богов, Мелонис, – сказал фараон. – Теперь я понимаю, почему Псамметих, лучший врач в Египте и первый мудрец, не мог вылечить меня. Видя мои мучения, он советовал пить больше воды, отчего мне становилось только хуже. Несчастный всеми силами старался извести меня. Но зачем? Какой коварный план вынашивал он? Уверен, что мой казначей Меритенса узнал о заговоре и хотел раскрыть имена злодеев, но их меч опередил его слова... Я немедленно же поеду к Псамметиху. Я хочу лично, в священных стенах храма, поговорить с этим человеком. Ты поедешь со мной, Мелонис. Ты умеешь читать в сердцах людей. Если предатель посмеет лгать фараону, то ты изобличишь его ложь.

Мелонис учтиво поклонился царю.

В один миг стражники окружили святилище Ра. Перепуганные жрецы, полуодетые, в страхе выбежали из храма.

– Где Псамметих? – спросил кого-то из них Хеопс.

– Верховного жреца нет среди нас, – пробормотал испуганный служитель.

– Только бы он не убежал! – воскликнул фараон. – Стража, – крикнул Хеопс, – охраняйте входы и выходы! Не дайте никому уйти! Следуй за мной, Мелонис, – приказал он жрецу, – мы должны найти Псамметиха.

Хеопс и Мелонис вошли в храм. Тишина и пустота царили в здании.

– Неужели он скрылся? – говорил фараон, быстро идя через бесконечные залы и коридоры. – Здесь комнат больше, чем в моем дворце. Он мог легко где-то спрятаться. Следовало бы приказать обыскать храм, но мы не имеем права этого делать, иначе навлечем гнев богов.

Пройдя через весь храм, фараон и служитель Ра оказались в саду, который располагался позади святилища. Луна освещала деревья. Под ветвями одного из них они увидели Псамметиха. Верховный жрец Ра стоял, прислонившись к стволу, в руках он держал огромный букет цветов. Царь Египта и Мелонис подбежали к нему.

– Я знал, что тебе станет известна правда, мой царь, – спокойно проговорил Псамметих.

– Какая правда? – побледнел Хеопс.

– Да, это я пытался отравить тебя, повелитель, – так же спокойно сказал Псамметих.

– Но за что? – воскликнул Хеопс. – Что я сделал тебе плохого, а уж тем более моя жена?

– Спроси богов, – тихо проговорил верховный жрец Ра.

– А я спрашиваю тебя, несчастный изменник! – закричал Хеопс. – Что заставило тебя совершить преступление, кто твои соучастники? Если ты все честно расскажешь, я помиую тебя.

– Помиуешь, – усмехнулся Псамметих. – Нет, твое помилование мне не поможет. Я уже давно наказан, вся моя жизнь стала моим проклятием.

– А Меритенса, – сжав кулаки, прошептал юноша-фараон, – он был твой друг или враг? За что ты убил его?

– Меритенса? – пожал плечами Псамметих. – Я ничего не знаю о нем. У твоего казначея были свои тайны, к которым я никакого касательства не имел. – Внезапно верховный жрец Ра побледнел. – Не такую жизнь я мыслил себе, – сказал он. – Я любил цветы и хотел провести мои годы, окруженный их благоуханием и красотой. Но все пошло иначе. Я потерял свое истинное сердце, я не желаю больше жить так. Я сам вынес себе приговор, теперь только боги могут окончательно осудить или оправдать меня.

Псамметих сделал несколько шагов вперед, потом подбросил букет вверх и, как подкошенный, повалился на мягкий бархат травы, цветы осыпали его яркими звездами. Мелонис склонился над верховным жрецом Ра.

– А я ведь знаю, кто ты, – чуть слышно проговорил Псамметих.

Мелонис вздрогнул, но на него уже смотрели мертвые широко раскрытые глаза старого советника Снофру. Еще одна душа покинула земной мир.

– Он покончил с собой, – сказал Мелонис, – совесть не выдержала груза преступления. Мне жаль его, он был мне добрым господином.

– Несчастный Псамметих, – пробормотал Хеопс, – какая же тайна сгубила его?

– В свое время, мой повелитель, боги откроют тебе правду, а пока наберись терпения и положишься на волю судьбы.

– Ты что-то знаешь, Мелонис? – воскликнул Хеопс.

– Ты ошибаешься, – покачал головой жрец, – все, что я мог сказать, я уже сказал, а остальное – тоже сокрыто от меня.

– Ты очень умен и посвящен, – проговорил Хеопс, пристально вглядываясь в лицо жреца. – Кто же ты все-таки, загадочный человек?

– Я – слуга богов, мой царь, врач, философ, бродяга.

– Я желаю наградить тебя. Чего ты хочешь?

Мелонис встал на колени перед правителем.

– Великий царь, – проговорил жрец, – единственное мое желание – служить тебе, быть рядом с тобой, защищать тебя. Пусть мои знания и умения принесут пользу тебе, богам и Египту.

Хеопс поднял Мелониса и положил ему на плечо руку.

– Мое желание совпадает с твоим. Я тоже не хочу разлучаться с тобой. Слушай меня, Мелонис, – торжественно проговорил фараон, – за твою великую мудрость и преданность, – я назначаю тебя верховным жрецом солнцеликого Ра и моим личным другом. Отныне я – Солнце, а ты – Луна Египта.

Глава 10

Хранитель печати и царской казны

Тут же в саду храма были собраны все жрецы и Хеопс представил им их нового повелителя.

Тело несчастного Псамметиха незаметно унесли, чтобы в дальнейшем, со всеми подобающими его сану почестями, похоронить.

Фараон собрался уходить.

– Мой царь, – осторожно проговорил Мелонис, – я знаю, у тебя есть еще одна забота, ты потерял верного и честного казначея.

– Да, – кивнул Хеопс, – Меритенса был честен и неподкупен. Кому я ныне смогу доверить казну Верхнего и Нижнего Египта?

– Есть один такой человек, – сказал Мелонис. – Он управляет казной в этом храме, его зовут Раусер. Псамметих умел выбирать достойных людей. Раусер умный, честный, не подвержен никаким порокам. Храм солнцеликого Ра является самым богатым в Египте. Это заслуга Раусера.

– Вот как? – обрадовался Хеопс, который с большим вниманием слушал жреца. – Представь мне этого человека и, если он так хорош, я доверю ему сокровища Египта.

– Раусер хорош во всем, если не считать того, что он простолюдин. Юноша достиг всего сам, благодаря великому трудолюбию и тяге к знаниям.

– Но это прекрасно! Такие люди мне и нужны. А то, что он простого рода, пусть его не смущает. В моей власти сделать любого пастуха благороднейшим из вельмож и низвергнуть всякого вельможу до убожества последнего из бродяг.

– Ты прав, великий царь.

– Я хочу познакомиться с ним сейчас же. Распорядись, чтобы его привели немедленно ко мне.

Когда Хеопс увидел казначея храма Ра, то еле удержал улыбку. Перед ним стоял молодой человек, невысокий, плотный, с растрепанными рыжими волосами и веснушками на носу.

– Ты, говорят, хороший счетовод, – сказал правитель.

– Мои дела расскажут обо мне лучше людей, мой царь, – с учтивым достойным поклоном проговорил Раусер.

– О, ты, и, в самом деле, неглуп! – довольно проговорил Хеопс. – Садись рядом со мной, потолкуем.

Хеопс сел на скамеечку в саду. Раусер, не смущаясь, сел рядом с фараоном и стал неторопливо, обстоятельно отвечать на вопросы. Хеопс говорил о предстоящих постройках, об ирригационных работах в Фаюме, о планах покорения Гизы. Царь спрашивал Раусера о том, как при наименьших затратах осуществить все проекты. От строительных дел они перешли к проблемам экономического развития номов, подсчитывали убытки от возможных засух и наводнений, прибыль от ожидаемого урожая. До самого рассвета продлилась их беседа. Это был не разговор грозного правителя с покорным подданным, а диалог людей, объединенных общим интересом, желающих процветания своей стране. И лишь, когда солнечные лучи залили их ярким светом, Хеопс вспомнил, что его ждут во дворце.

– Великий Ра, – засмеялся он, – Хенутсен, наверное, уже волнуется за меня. И моя охрана совсем замерзла на улице.

– Не беспокойся, мой царь, – улыбнулся Мелонис, – жрецы бога богов гостеприимны, они покормили твоих слуг.

– Ты просто настоящее сокровище, Мелонис! – воскликнул Хеопс. – Я бы пожелал каждому правителю иметь такого мудрого друга. И ты, Раусер, мне понравился, – улыбнулся

фараон казначею. – Я хочу, чтобы ты служил мне. Ты согласен стать хранителем царской печати и казны Египта?

Раусер растерянно взглянул на загадочно улыбающегося Мелониса, на Хеопса и, разом покраснев, прошептал:

– Я счастлив служить тебе, богоподобный царь.

Во дворец фараон вернулся в сопровождении Мелониса и Раусера.

Хеопс был счастлив: его жена выздоровела, сам он тоже не испытывал больше приступов болезни, к тому же, нашелся новый достойный управитель финансов.

А в царских садах, в густой зелени просыпающихся деревьев, укрылись двое влюбленных, красивый, похожий на Диониса юноша, и тонкая, словно веточка тростника, девушка.

– Я уже купил лодку, моя милая, – говорил молодой человек, – фараон приказал Аменемхату отправляться в Гизу, а я как помощник главного архитектора, должен сопровождать его. Наше бегство привлечет внимание, но, как только мы вернемся оттуда, я увезу тебя, любовь моя.

– Освободи меня, мой свет, – прошептала Реджедет. – Я измучилась ждать.

– Я тоже очень страдаю в разлуке с тобой. Проклятая бедность! Если бы у меня было много золота, я бы давно увез тебя.

– Убежим без золота, я согласна мерзнуть, голодать, только забери меня подальше от моей сумасшедшей матери и ее друзей. Иначе меня однажды все же бросят на ложе к этому мерзкому Хеопсу.

– Нам придется откупаться, любовь моя. Анукет пошлет за нами погоню, Аменемхат будет искать меня, а с золотом мы легко подкупим всех соглядатаев и уедем далеко-далеко.

Хемиунис обнял девушку, и они замерли, отрешившись в своей любви от всех тягот жизни.

Глава 11

Двойник

– Псамметих так и не дал ответ, что заставило его встать на путь преступления, – говорил Хеопс, неторопливо прохаживаясь по кабинету. – Думаю, в покушении на жизнь моей жены и меня – не он главный виновник. И еще труднее поверить, чтобы он организовал, или же сам убил Меритенсу, своего лучшего друга. Казначей дядюшки Снофру и жрец Ра были как братья. Что же произошло после смерти моего дяди?

– Есть способ узнать ответ, правда, я не очень уверен в успехе, – задумчиво проговорил Мелонис, – но попробовать можно.

– Какой способ? Я на все согласен! – порывисто воскликнул фараон.

– Надо спросить самого Меритенсу, – спокойно сказал Мелонис. – Возможно, ты прав, мой царь, подозревая, что твой казначей узнал о готовящемся заговоре и шел предупредить тебя. Если эти предположения верны, то уже сегодня раскроются все тайны.

– О, тогда я желаю немедленно видеть Меритенсу, даже, если для этого понадобится взломать его гробницу!

– Нет, мой повелитель, на такое святотатство идти не придется. Для успеха этого магического действия мне нужна лишь частица крови Меритенсы, хотя бы засохшая.

Хеопс задумался.

– Моего казначея ранили мечом, крови было очень много, – сказал фараон. – Однако слуги, кажется, все убрали. Возможно, у бальзамировщиков осталась испачканная одежда Меритенсы...

Царь отправил Сабу к придворным мастерам бальзамирования, но мальчик – слуга вернулся с пустыми руками. Бальзамировщики уничтожили окровавленные одеяния сразу же, как им передали тело. Хеопс и Мелонис отправились в Белый зал. Жрец склонился над мраморным столом, куда прислуга, в тот злосчастный день, положила убитого. Верховный служитель Ра сосредоточенно исследовал каждый кусочек белого камня и вдруг издал радостный возглас:

– Слава нерадивым мойщикам!

Внизу, под столешницей, засохла небольшая лужица крови. Мелонис бережно счистил это пятно в маленький кулек, свернутый из папируса.

Хеопс решил проводить таинство в своем кабинете. Жрец принес туда жаровню и некоторые благовония. Плотно заперев дверь, Мелонис приступил к церемонии. Для начала он разжег огонь под жаровней и бросил в него щепотку какого-то порошка, благоуханный аромат разлился по комнате. Теперь Мелонис на жаровню высыпал частицы высохшей, порывевшей крови, потом повернулся лицом на запад и воскликнул:

– Меритенса, благородный хранитель царской казны и печати, явись нам!

Несколько минут ничего не происходило, но вдруг прямо перед Мелонисом и Хеопсом предстал Меритенса. Он выглядел так, как выглядел всегда: скромное изящное одеяние из светлого льна, простые сандалии, даже его меч был при нем.

– Ты ли это, мой верный казначей? – удивленно проговорил Хеопс, делая несколько шагов к появившемуся.

Меритенса предупреждающе поднял руку.

– Не приближайся ко мне, мой великий царь, – сказал он, – иначе тление смерти коснется тебя.

Фараон остановился.

– Я не Меритенса, – продолжил этот человек, – а лишь его двойник, тот, кого вы называете «ка». Смертное тело господина Меритенсы покоится в его усыпальнице, душа – пирует в раю Озириса, сердце сочтено богами, тень отпущена в просторы мироздания. Предназначе-

ние же субстанции «ка» – поддерживать связи с миром живых. Что ты хотел узнать от меня, солнечный царь?

– Кто убил тебя, мой верный казначей? – спросил Хеопс. – Кто желает зла мне?

Двойник Меритенсы печально покачал головой.

– Твоих врагов я не знаю, царь, что же касается моего убийцы, то, до поры до времени, я не смею раскрывать его имя. Таково веление богов. Ты молод и горяч и можешь совершить опрометчивые шаги, которые погубят и тебя, и государство. В нужный момент ты все узнаешь, а пока неведение – лучшее спасение для тебя.

– Но я хочу наказать преступника, отнявшего у тебя жизнь!

– Никто не избегнет предначертанного, – проговорил двойник. – Верь богам и Судьбе.

– А этот проклятый жрец уже получил свое наказание? – спросил Мелонис.

Двойник Меритенсы вздрогнул.

– Мы победили его, – сказал он. – Хотя, возможно, силы этого трижды проклятого Заземанха еще действуют.

– Заземанх? – удивился Хеопс. – Кто это? Я говорю о Псамметихе. Разве не он пытался меня убить?

– И да, и нет, – сказал Меритенс. – Бедняга Псамметих сам оказался жертвой того мерзкого чародея.

– О ком ты говоришь, Меритенс? – воскликнул Хеопс. – Я никогда не слышал ни о каком чародее! Что он сделал? И как он может навредить мне?

Глава 12

Проклятый жрец

– Это произошло еще задолго до твоего рождения, повелитель, – начал свой рассказ двойник. – В дни нашей ранней молодости. У твоего благословенного дядюшки было пять друзей: танцовщица Анукет, архитектор Аменемхат, врач Псамметих, я и жрец какого-то таинственного бога, Заземанх. Признаться, все мы, кроме Снофру, не очень любили Заземанха. Этот жрец отличался большим властолюбием, высокомерием, жадностью. Однако, несмотря на все свои пороки, он обладал великими познаниями и очень часто проделывал перед нашими изумленными взорами подлинные чудеса. Снофру был еще моложе тебя, мой царь, когда вступил в брак. И надо же такому случиться, что несчастный Заземанх влюбился в юную супругу фараона. Заземанх изо всех сил старался очаровать царицу, но прекрасная женщина не замечала его. Однажды мы все вместе катались на золотой ладье по озеру, и вдруг с руки царицы в воду соскочил браслет. Она очень расстроилась, так как это был один из подарков Снофру. Снофру утешал жену, как мог, обещал подарить ей тысячу новых браслетов, но царица упрямилась, говоря, что ей нужно только это украшение. Тогда Заземанх что-то пробормотал, и вода расступилась, обнажив дно. Наш жрец выпрыгнул из лодки, поднял браслет и вернул его царице. После этого воды возвратились на место, и мы продолжили прогулку. С каждым днем ухода Заземанха делались все настойчивее и настойчивее, он начал угрожать царице. В конце концов, она пожаловалась Снофру. Фараон строго поговорил с другом. Заземанх раскаивался, молил о прощении, говорил, что страсть затмила ему разум, и даже поклялся именем своего бога, не приставать больше к царице. Он сдержал свое слово, к жене Снофру он больше даже не приближался, но новый дерзкий замысел родился в его преступном сердце. Заземанх решил стать сам фараоном. Для этого он начал насыпать порчу на Снофру. Не сразу Псамметих разгадал предателя. Но еще труднее ему было справиться с ловким чародеем. Между Заземанхом и Псамметихом разгорелся настоящий бой. Этот жрец таинственного бога был посвящен в великие таинства, но наш служитель Ра не уступал ему в сакральных знаниях. В итоге, Псамметиху удалось зачаровать Заземанха и доставить его на суд к Снофру. Мы все судили его и приговорили к смерти.

«Ты победил, Снофру, – с усмешкой проговорил Заземанх. – Вы, египетские фараоны, считаете себя потомками богов, однако женитесь на смертных. Я проклинаю тебя и прекращаю твой род. Теперь, если ты вздумаешь сойтись с обычной женщиной, она умрет в твоих объятиях. Тебе не удастся произвести наследника, конечно, – засмеялся негодяй, – если только твоя избранница не окажется подлинной богиней».

Меритенса, как воин, привел приговор в исполнение. Потом мы сожгли мертвое тело и развеяли его прах над песками пустыни. Псамметих уничтожил сердце, и, при помощи магии, убил душу двойника и прочие составляющие человеческой сущности. Но проклятие подлого чародея он так и не смог преодолеть.

Юная жена Снофру умерла в ту же ночь. Фараон тяжело переживал ее смерть. Потом царь еще несколько раз пытался сблизиться с женщинами, но едва он приводил избранницу к себе на ложе, как бедняжка вскоре погибала, не произведя на свет наследника. Так бы род Снофру и угас, но внезапно скончался его брат и супруга брата, оставив тебя, мой царь, сиротой. Снофру взял тебя и во дворец и воспитал как сына.

Хеопс, бледный и взволнованный, слушал этот печальный рассказ.

– Великие боги! – воскликнул он. – Почему от меня скрыли эту историю?

– Мы поклялись хранить все в тайне и никогда не вспоминать подлого Заземанха. Но, видно, наступило к тому время.

Двойник печально замолчал.

– Мы благодарны тебе, «ка» Меритенсы, за твоё откровение, – поклонился Мелонис. – Пусть твоё тело ликует в царстве Озириса, а тело избегнет тления.

– Вечного спокойствия тебе, честный человек, – проговорил Хеопс.

Двойник исчез.

– Бедный мой дядюшка, – тяжело вздохнул Хеопс, – он жил, словно с ножом в теле. А я ничего не знал...

– Эта история прошлая и поправить уже ничего нельзя, – сказал Мелонис. – Однако уверен, что Заземанх, хоть и был могущественным жрецом, но к нынешнему покушению на тебя, мой царь, он не имеет причастности.

– Почему ты так думаешь?

– Заземанх не был уж столь велик, иначе бы он одержал победу. Более сильным оказался Псамметих, хотя и у него не хватило знаний, чтобы разрушить заклятие... Сейчас я поговорю с этим таинственным жрецом таинственного бога.

– Ты хочешь обратиться к Заземанху? – воскликнул удивленно Хеопс. – Но разве это возможно? У проклятого нет даже гробницы.

– Возможно, мой царь. Двойник Меритенсы рассказал нам, что Псамметих казнил и душу, и тело предателя, а прах развеял где-то в пустыне. Но, раз у Псамметиха не получилось освободить фараона от чар, значит, какая – то частичка злодея осталась жить. Подозреваю, что этой уцелевшей составляющей Заземанха явилась его жизненная сила, или, как её называют в Египте, «сехем».

– Но где ты найдёшь её?

– Увы, «сехем» этого предателя теперь везде. Она носится в воздухе, ища покоя. Надо лишь позвать её... Заземанх, проклятый жрец, – сказал Мелонис, – я, верховный служитель бога богов, приказываю тебе явиться сюда.

Мелонис встал к правителю спиной и чуть приоткрыл грудь. Из-под одежды серебряным светом блеснул «крест» – анх. Жрец убрал «крест» и вновь повернулся к Хеопсу. И тут же рядом с фараоном и жрецом раздался испуганный умоляющий голос:

– Спаси меня, могущественный господин.

– Чего ты хочешь? – сурово спросил Мелонис.

– Покоя, только покоя, – ответил голос. – Я знаю, мне нет места в раю пресветлого Озириса, но отправь меня в Дуат, египетский ад. Я изнемог в бесконечных скитаниях, гонимый волей ветра.

– Я исполню твоё желание, если назовёшь имя предателя, совершившего покушение на фараона Хеопса, племянника твоего друга и хозяина Снофру.

– Я ничего не знаю, клянусь, великий Мелонис, я ничего не знаю. Для меня есть только прошлое.

– Но именно твоё прошлое, а точнее, твои деяния, совершенные в прошлом, привели тебя к такому плачевному состоянию.

– Я наказан уже за них, помоги мне, Мелонис.

– Какому богу ты служил при жизни?

– Никакому, мой господин.

– То есть как, никакому? Где обучился ты своим знаниям? Назови мне этот храм.

– Я нигде не учился, господин Мелонис. Есть такие люди, наделённые необычными способностями от рождения. Ты меня понимаешь, ты же сам из числа таких людей. Я ещё ребёнком умел передвигать предметы, просто смотря на них, силой мысли разбивать камни, оживлять прикосновением увядшие растения.

– Тем больше твоё преступление, если ты свой уникальный дар, который тебе дали боги, употребил во зло.

– Я возомнил себя богом. Я дерзко мыслил. Прости меня, прости!

– Ты испортил жизнь своему другу, мудрейшему и добрейшему фараону Снофру.

– Я не знал, что так получится, клянусь, не знал. Я проклинал в запальчивости, в сердцах. Потом, когда я видел страдания Снофру, я еще большими проклятиями осыпал себя. Я не хотел таких мучений для него, но уже изменить ничего не мог. Слишком сильным оказалось проклятие. Лучезарный Хеопс, прости меня.

Хеопс поморщился.

– Мелонис, – обратился фараон к жрецу. – Мне кажется, Заземанх действительно не виноват в покушении на меня. Он ничего не знает и не может знать. Помоги ему попасть в Дуа

– Слушай меня, Заземанх, – проговорил Мелонис, – ныне буду я судить тебя. Ты не жрец, и не чародей, и даже не преступник. Потому что единственное, в чем можно обвинять тебя – это в глупости. Но отсутствие ума не является преступлением. Ты должен был приумножать и совершенствовать свои способности, чтобы честно служить богам, а ты раздулся от гордости, и сам возомнил себя богом. Тебе даны были очень большие силы, но ты не удосужился обучиться управлять ими. Твое заклятие удалось случайно, ты выплеснул поток неконтролируемой злобы, сам не зная, что будет такой результат. Если бы ты был подлинным посвященным, обученным жрецом, то не нашлось бы никого, ни на земле, ни над землей, ни под землей, простившего тебя. Но ты – всего лишь глупец и неуч, вставший на путь зла. Что ж, место грешников во тьме Дуата. Я отправляю тебя туда. Если великий змей Апопис, царь Дуата, простит тебя когда – нибудь, то, возможно, ты даже обретишь иное пристанище. А теперь же, ступай туда, где надлежит находиться подобным тебе.

– О, Мелонис, бог среди людей, – воскликнул голос, – пусть только радость и счастье сопутствуют тебе! И тебе, тысячу милостей, лучезарный Хеопс.

Послышался стремительный свист, словно стрела прорезала воздух, и все стихло. Фараон вытер вспотевший лоб.

– Великие боги, сколько впечатлений за один день, – пробормотал он.

– И это только начало, – печально вздохнул Мелонис.

Глава 13

Магия Анукет

Еще до восхода солнца покинув дворец, только к вечеру прибыла Анукет к каменоломням, находящимся далеко за стенами Мемфиса. Старая женщина шла, увязая по колено в песке, сгибаясь под тяжестью огромного мешка, который лежал у нее на плечах. Наконец она подошла к одной из пещер, здесь танцовщица остановилась и испуганно огляделась по сторонам, но в этот час Анукет была совсем одна среди пустыни. Вдохнув, словно собираясь с силами, бывшая танцовщица вошла в пещеру. Женщина сделала еще несколько шагов, повернула за какой – то выступ в стене и оказалась в непроглядной тьме. В этот момент солнце зашло, а луна еще не успела заменить дневное светило. Анукет опустила свою ношу на колющий песок, после чего упала на колени.

– О, Демон Дуата, – воскликнула она дрожащим голосом, – явись мне!

Словно вспышка молнии озарила пещеру, и перед Анукет предстала красивая молодая женщина. Глаза появившейся горели красным светом, длинные небрежно распущенные волосы, трепетали, как от порывов сильного ветра, хотя в пещере не было даже дуновения ветерка, в руке она держала зловещие предметы, напоминающие крючья бальзамировщиков.

– Славься, могущественная обительница Дуата, – проговорила Анукет, еле сдерживая дрожь.

– Чего тебе надо, танцовщица? – грозно спросила обительница ада.

– Я пришла не за себя просить, но за свою дочь, – сказала решительно Анукет. – Ради нее я осмелилась беспокоить тебя.

– Хорошо, я слушаю, – кивнула Демон Дуата.

– Сделай ее женой Хеопса, – выпалила танцовщица.

Демон Дуата расхохоталась.

– Ишь чего захотела, – сквозь смех проговорила богиня. – Нет, моя милая плясунья, но этого желания я выполнить не могу. Лучше не трать время.

– Но почему? – вскипела Анукет. Вся ее робость исчезла. Она встала на ноги. – Я принесла тебе жертву. – Танцовщица подтолкнула к ногам демона свой мешок.

– Ну-ка, покажи, – заинтересовалась богиня.

Танцовщица взмахом ножа распорол мешок, и на песке оказался труп старого сморщенного старика, в его груди алела еще свежая рана.

– Я сама его убила, – с гордостью проговорила Анукет. – Я это сделала ради тебя.

Демон Дуата еще громче рассмеялась.

– Ну и глупа же ты, плясунья, давно я так не веселилась. Представляю, как ты волокла его по жаре и пыли, рискуя каждый миг самой стать такой, как он. Вот была бы потеха, я получила бы два трупца. Но тебя бы я, пожалуй, взяла.

– Тебе не нравится мой дар?

– Нет. Жители Дуата – не преступники. Мы берем в свой мир грешников, чтобы терзать их там. Я – палач, но не убийца. Мои жертвы – люди, совершившие серьезные преступления, которые только длительными неимоверными страданиями могут быть искуплены. А ты принесла мне старого праведника, чьи годы, к тому же, еще не подошли к концу. Ему, несмотря на возраст, впереди уготована долгая жизнь. Я была о тебе лучшего мнения, Анукет. Уходи, я больше не желаю тебя знать.

Анукет вновь упала на колени.

– Смилуйся! – закричала она. – Ты сказала, что от меня не отказалась бы, если бы я умерла. Тогда заведи меня. Убей и делай после, что хочешь. Пытай, казни, разорви мою душу и плоть, я приму это, как милость, только дай моей дочери то, на что она имеет законное право. Она знатна, красива, умна. Она создана быть женой Хеопса, а не эта безродная Хенутсен.

– Я уже сказал тебе, что этого выполнить не могу. Реджедет никогда не будет женой Хеопса, и ты оставь эти мысли. Иначе ты погубишь свою дочь.

Танцовщица упала на песок, в бессилии заливаясь слезами.

– Ты всегда помогала мне. Почему же, почему, ты теперь против меня?

– Я не против тебя, – строго проговорила Демон Дуата, – но спорить с Судьбой не может ни смертный, ни бог, запомни это, Анукет. А, чтобы ты поняла силу предначертанного, я возвращаю жизнь этому старику, и ты отнесешь его обратно туда, где ты убила его. Все. Теперь уходи.

Богиня исчезла. Анукет, наскоро вытерев слезы, кое – как завернула старика в разорванный мешок и, вновь взвалив свою ношу на плечи, вышла из пещеры. Танцовщица принесла его обратно на поле за городской стеной, его козы так и паслись там. Анукет прислонила старика к дереву. Он открыл глаза и с удивлением посмотрел на танцовщицу. Потом низко поклонился ей.

– Тебе что-то нужно, госпожа? – спросил он.

– Уже ничего, – усмехнулась Анукет.

Старик достал свирель и заиграл веселую мелодию, радуясь пробуждающемуся солнцу и чистому небу, и тому, что пока он спал, ни одна из коз не пропала.

Придя в свои покои, старая танцовщица, несмотря на сильнейшую усталость, не легла отдыхать. Она беспокойно ходила из угла в угол, обдумывая какой-то очередной план. Внезапно улыбка скользнула по ее высокомерному лицу. Она достала небольшой ларец и вытащила оттуда пестрые глиняные бусы. Видимо, они пролежали там давно, потому что потускнели. Однако женщина смочила платок каким-то раствором, заботливо протерла каждую бусинку, отчего украшение заблестело так, словно было только что изготовлено. Взяв этот бесхитростный убор, женщина вышла из комнаты. Она направилась в сад, где в одной из беседок нашла мечтающую Реджедет.

– Реджедет, – печально проговорила Анукет, входя к дочери, – мне надо с тобой поговорить.

– Я тебя слушаю, мама, – насторожилась молодая танцовщица.

– Скажи, ты все еще любишь Хемиуниса? – заботливо спросила Анукет.

– Конечно! – воскликнула Реджедет. – Хемиунис – это моя жизнь! Я предпочту умереть, чем расстаться с ним. Но почему ты об этом спрашиваешь? Ты собралась опять говорить со мной о Хеопсе.

– Нет, – покачала головой Анукет. – Я много думала о тебе и Хемиунисе и пришла к выводу, что юноша не так плох. Он умен, трудолюбив, Аменемхат хорошо отзывался о нем. Я думаю, Хемиунис со временем займет высокое положение при дворе.

– О, мама, – с благодарностью воскликнула Реджедет, глаза девушки сияли, – ты поняла, что Хемиунис замечательный! Его невозможно не полюбить. Я рада, что тебе он тоже понравился. А чем больше ты будешь узнавать его, тем больше ты его оценишь.

– Конечно, конечно, доченька, – быстро проговорила Анукет. – Я постараюсь в самое ближайшее время поближе познакомиться с твоим избранником... А скажи, ты все еще хочешь танцевать?

– Да, мама. После Хемиуниса, я люблю танцы.

– Что ж, и в этом я препятствовать тебе не буду, – вздохнула Анукет. – Я обучила тебя великому искусству танца, у тебя будет дочь, и ты научишь ее, она – свою. И так мое знание, мое мастерство не пропадет в веках. Я разрешаю танцевать тебе. И в ближайший же праздник покажи все, что ты умеешь.

– Мапочка! – взвизгнула предельно счастливая Реджедет, порывисто обнимая мать.

Слезинки блеснули на глазах старой танцовщицы, но она быстро взяла себя в руки.

– Это еще не все, – она достала из маленького мешочка, который во время разговора прятала за спиной, те самые бусы. – Я начинала свою деятельность в этом ожерелье, и оно принесло мне счастье, – сказала Анукет. – Я хочу, чтобы теперь оно стало твоим талисманом. Носи его, моя девочка, – Анукет одела его на девушку.

– О, мама, прости за все грубости и дерзости, что я говорила тебе! – прошептала растроганная Реджедет. Она почтительно поцеловала руку матери.

– Ладно, ладно, моя красавица, – пробормотала Анукет, – лишь бы ты была счастлива. Танцовщица повернулась и, скрывая набежавшие слезы, поспешила выйти из беседки.

Она шла, погруженная в свои мысли, и даже не заметила, как вновь оказалась во дворце. Все еще находясь в раздумьях, Анукет нечаянно наткнулась на Хеопса.

– О, мой царь! – воскликнула она, падая ниц. – Прости меня! Я стала совсем стара и плохо вижу.

– Встань, Анукет, – улыбнулся Хеопс. – Это я должен просить у тебя прощение. Я как был неповоротливым увальнем, так им и остался. Помнишь, как ты учила меня танцевать? Мне не давались твоя пластика и гибкость. Дядюшка Снофру за это часто сердился на меня и называл пещерным медведем... Однако у тебя слезы на глазах. Почему ты плачешь?

– Не обращай внимания, мой царь. Ты еще так юн, но, когда станешь отцом, поймешь заботы родителей.

– Ты поссорилась с дочерью? Я прикажу Реджедет с почтением относиться к тебе.

– О, ты безмерно добр, мой царь. Но она не сделала мне ничего плохого. Это я плохая мать, что не смогла уберечь мое единственное дитя от болезни.

– Реджедет заболела? Я позову Мелониса, чтобы он осмотрел ее.

– Нет, мой царь, боюсь, что это не та болезнь, которую сможет исцелить мудрый Мелонис. Моя дочь влюбилась.

– Ну, это не так страшно, – засмеялся Хеопс. – Любовь – это самая приятная болезнь, от которой, я пожелал бы Реджедет, как можно дольше не выздоравливать.

– Увы, пресветлый царь, избранник не доступен моей дочери.

– Почему же? Он знатен? Богат? Требуется большого приданого? Я дам ей все, что нужно. Зови сюда этого дерзкого, посмевавшегося мучить твою дочь.

– Я не могу его позвать. Она влюбилась в бога.

– В бога? Это интересно. Впрочем, божества милостивы. Я знаю, они иногда сходят к смертным. Желание Реджедет не так уж безнадежно. И кто же из богов пленил сердце твоей дочери?

Анукет почтительно опустила на колени.

– Ты, мой великий царь, – сказала танцовщица.

– Нет, этого не может быть! – растерялся Хеопс. – Мы знаем друг друга с детства, она мне, как сестра. Мы играли вместе...

– И все же она влюблена в тебя, лучезарный царь. И всегда любила, но я научила несчастную девочку скрывать свои чувства. Она страдает и молчит. Любовь съедает бедняжку. – Анукет обхватила ноги фараона. – Умоляю, пресветлый царь, поговори с Реджедет, скажи ей сам, что не любишь. Найди слова, потому что я, как мать, могу только утешать ее.

– Конечно, уважаемая Анукет, если у Реджедет все так далеко зашло, я поговорю с ней. Зови ее ко мне. А, Впрочем, нет, я лучше сам пойду к ней и, как преданный брат, объясню, что она ошибается.

– О, царь царей, – вскричала Анукет, – пусть все милости богов прольются на твою благословенную голову!

– Где сейчас Реджедет?

– Я видела ее в саду, в беседке, возле озера.

– Хорошо, я иду к ней.

Хеопс удалился. Анукет, не поднимаясь с колен, сложила молитвенно руки.

Реджедет сидела в беседке и рассматривала яркие бусины. Странная истома охватила ее тело. Девушка чувствовала себя предельно счастливой. Солнце светило сквозь деревья, образуя из теней листьев причудливые узоры, ветерок навевал приятную прохладу от озера, негромко пели птицы. Звуки и запахи сада, словно опьянили Реджедет. Грезы и явь сплелись перед ее затуманенным сознанием. Хеопс подошел к ней.

– Хемиунис, – блаженно улыбнулась Реджедет.

– Мне Анукет все рассказала, – недоумевая, проговорил фараон.

– Она не против, – находясь в своих грезах, засмеялась юная танцовщица.

– Ты мне, как сестра Реджедет, – сказал Хеопс. – Я не люблю тебя. У меня есть жена.

– Ты женат? – пробормотала Реджедет. – Что ты говоришь? Ты все это время обманывал меня? Ты ведь шутишь? Когда ты успел жениться?

– Да что с тобой, Реджедет? – воскликнул Хеопс. – Неужели ты действительно сошла с ума?

Он тронул за плечо девушку, она смотрела на него, но глаза ее были пустые, словно душа находилась в ином мире.

– Хемиунис, – вновь улыбнулась Реджедет, – я очень люблю тебя.

– Мой повелитель, – внезапно услышал Хеопс почтительный, но настойчивый голос.

Хеопс обернулся, за его спиной стоял Мелонис.

– Тебе не стоит быть здесь, – сказал жрец.

– Хорошо, что ты пришел, – обрадовано проговорил фараон. – Кажется, Анукет, была права, когда сказала, что Реджедет заболела. Посмотри на нее, – фараон кивнул на блаженно улыбающуюся девушку.

– Я сейчас во всем разберусь, иди же, мой царь.

Хеопс, оглядываясь на склонившегося над девушкой Мелониса, не очень уверенно пошел прочь.

Верховный жрец Ра несколько минут внимательно смотрел на что-то бормочущую Реджедет, потом осторожно снял бусы и тихо покинул беседку. С ожерельем Мелонис пришел к Анукет.

– Не губи свою дочь, – строго проговорил он, протягивая дурмящее украшение женщине.

Анукет дико сверкнула глазами на жреца.

– Я не понимаю тебя, чужеземец, – сказала она.

– Ты все понимаешь, – усмехнулся Мелонис. – Ты пропитала свои бусы опьяняющим зельем, чтобы несчастная Реджедет, окутанная грезами, отдалась не тому, кого любит. Но твои уловки напрасны. Оставь дочь в покое, иначе произойдет непоправимая беда. Или тебе еще твоя покровительница из Дуата не сказала, что у Реджедет нет судьбы с Хеопсом?

– Ты непозволительно много знаешь, – прошипела Анукет.

Мелонис заметил, что руки у старой танцовщицы задрожали.

– Я не выдам этот твой секрет, – сказал жрец, – но держись подальше от Хеопса, и пусть Реджедет сама выбирает себе возлюбленного.

Мелонис ушел. Анукет тряслась в бессильной злобе.

Реджедет проспала в беседке до самого вечера. Уже солнце опускалось за горизонт, когда девушка открыла глаза. Она с удивлением оглянулась вокруг, потом провела по груди, но ожерелья не обнаружила. Девушка печально вздохнула. Однако тут же ее глаза вновь повеселели. К беседке шел Хемиунис. Танцовщица выпорхнула ему навстречу.

– Любимая, – воскликнул юноша, – я весь день был так занят! Хеопс планирует большое строительство, и у нас с Аменемхатом много работы. Я только недавно смог освободиться и сразу пошел тебя искать. Мелонис сказал, что видел тебя здесь.

– Мне приснился такой странный сон, – проговорила Реджедет, обнимая Хемиуниса, – что будто мама одобрила нашу любовь и даже подарила мне свое ожерелье – талисман. А потом пришел ты и стал говорить жестокие вещи, что женат и вовсе не любишь меня. Это правда? – девушка испуганно смотрела в глаза молодого архитектора.

– Тебе приснился кошмар, моя ласточка. Я не женат и в моем сердце есть только ты. Успокойся, мой свет, и забудь этот сон. Я буду защищать тебя от всех ужасов дня и ночи.

Становилось прохладно. Архитектор снял свой греческий плащ и заботливо накинул его на смуглые плечи хрупкой Реджедет.

Глава 14

Хранители царской власти

Анукет, кипя обидой и злобой, пришла в мастерскую к Аменемхату.

– Я хочу поговорить с тобой, – сказала она.

Аменемхат махнул рукой, и все покинули помещение. Главный архитектор остался со старинной приятельницей наедине. Он отложил свои чертежи и внимательно посмотрел на женщину.

– Я о Мелонисе, – сразу же проговорила она.

Аменемхат тяжело вздохнул.

– Да, этот чужеземец тоже беспокоит меня, – сказал главный архитектор. – Он вытеснил нас из сердца Хеопса.

– Я не хочу с этим мириться, – прошипела Анукет. – Мы должны избавиться от пришельца.

– Но как? Мелонис нужен Хеопсу. Чужеземец вылечил его и Хенутсен. Разоблачил Псамметиха. Правда, до сих пор не понимаю, зачем Псамметиху понадобилось нападать на Хеопса? Псамметих же был его учителем... Мелонис везде сопровождает фараона, проверяет его пищу, дает советы. Мы бессильны против чужака.

– И все же, надо поговорить с Хеопсом. Мелонис уже поставил своего казначея вместо убитого Меритенсы, если мы не предпримем меры, то эллин заменит и нас. Наверняка, он уже подыскал среди своих друзей и нового главного архитектора, и новую руководительницу придворных танцовщиц.

– На все воля богов, – вновь вздохнул Аменемхат.

– Ну, уж нет. Не воля богов, а наша воля. Мы должны избавить фараона от общества этого проклятого критянина и никто: ни Ра, ни Озирис, ни Гор не помешают нам!

– Поговорить с Хеопсом можно, но едва ли он послушается нас. Он очарован Мелонисом.

– Вот именно очарован, и надо объяснить молодому царю, что эллинский волшебник околдовал его. Кто знает, какие еще планы вынашивает Мелонис? И не собирается ли чародей сам занять священный трон Египта?

– Да, ты права, Анукет, об этом стоит предупредить царя. – Архитектор поднялся. – Пойдем, не будем терять времени.

Анукет и Аменемхат, запыхавшиеся от быстрой ходьбы, подошли к кабинету Хеопса.

– Скажи, благословенный Хеопс здесь ли? – обратилась Анукет к стражнику.

– Царь у себя, – кивнул охранник.

– А его личный друг, мудрец Мелонис?

– Нет, господин Мелонис куда – то вышел.

– Давно? – вновь осведомилась Анукет.

– Только что, похоже, с каким – то поручением сына Озириса.

– Как жаль, – преувеличенно огорченно проговорила Анукет, хотя глаза ее хищно сверкнули. – У нас очень важное дело к богоравному Хеопсу и его великому другу. Времени мало, поэтому немедленно доложи о нас царю царей.

Стражник отправился к фараону, через миг он вышел.

– Царь объединенных земель готов принять вас, – сказал он.

Анукет и Аменемхат вошли в кабинет Хеопса. Они низко поклонились молодому царю. Хеопс сидел за столом, заваленным папирусами, и что – то писал. Однако, увидев своих старых учителей, юноша – фараон встал и подошел к ним.

– Рад видеть вас в добром здравии, друзья мои, – приветливо улыбнулся им царь. Он слегка обнял склоненную Анукет, помогая женщине подняться, погладил по плечу Аменемхата. – Что вы хотели сообщить мне?

– Это непростой разговор, – сказала старая танцовщица.

– Садитесь же, друзья мои, – проговорил Хеопс, усаживая Анукет и Аменемхата на табуретки возле стола.

– Я хочу поговорить о Мелонисе, – сказала печально Анукет.

– Мелонис? – встревожился фараон. – С ним что-то случилось? Говорите же!

– Не с Мелонисом, а с тобой, свет мира, – проговорила танцовщица, – вернее, может случиться.

– Я не понимаю, – удивился Хеопс.

– Вполне ли ты доверяешь своему личному другу? – вступил в разговор Аменемхат.

– О, не волнуйтесь, – рассмеялся Хеопс, – Мелонису я верю больше, чем себе.

– Ты еще очень юн, лучезарный царь, – мрачно проговорил архитектор, – и не ведаешь людского коварства. Мелонис, бесспорно, наделен великим умом и знаниями, но не обратит ли он однажды свою мудрость во зло тебе? Он владеет чарами колдовства, и не станешь ли ты в один день жертвой его магии? Кто знает, что скрывает сердце этого чужеземца? Вдруг Мелонис вознамерился убить тебя и стать новым царем богоданного Египта?

– Нет, – твердо проговорил Хеопс, – я хорошо узнал Мелониса, ничего такого он не замышляет. А во дворец пришел он, чтобы охранять меня от тех, кто вынашивает в своей груди черные замыслы, – глаза молодого правителя потемнели. – Вы поняли меня? От тех, кто желает посягнуть на священный трон богов, от тех, кто замыслил поднять свою убогую плоть до высот бессмертных, от тех, кто попирает божеские и человеческие законы!

Анукет и Аменемхат, перепуганные, встали.

– О, прости великий царь, – пробормотала Анукет, – мы пришли, только гонимые заботой о тебе. Да простит нас сын Солнца, но мы с тобой, пресветлый царь, с детства твоего. Не сердись же на опеку двух больных стариков.

Главный архитектор и танцовщица низко поклонились. Хеопс вновь повеселел.

– Я не сержусь, а очень люблю вас, – царь обнял Анукет и Аменемхата. – Идите же и не о чем не волнуйтесь. Мелонис – наш друг, а не враг.

Танцовщица и главный архитектор, скрывая досаду, покинули кабинет фараона.

Анукет привела Аменемхата в свои покои.

– Что же нам делать? – нервно проговорила она. – Мы, кажется, обречены терпеть этого чужеземца! А, если его убить?

– Я не хочу больше крови, – покачал головой архитектор. – Убийство Заземанха до сих пор стоит перед моими глазами. Снофру умер, Псамметих покончил с собой... Не надо больше злобы.

– Ты всегда был трусом, – с пренебрежением проговорила танцовщица

– Я художник.

– Я не могу справиться с Мелонисом, он очень сильный здоровый мужчина. Яд против него применять бессмысленно, он знает все противоядия. Его нужно заколоть, как свирепого кабана. Вот так. – Анукет сделала стремительный жест рукой, словно вонзала кинжал в невидимую жертву. – Я уже не обладаю мощностью такого удара, но ты еще достаточно силен. Порази его кинжалом в сердце, быстро, стремительно, чтобы он не успел даже опомниться. Ты справишься. Вспомни, как в молодые годы, когда учился зодчеству, ты своими орудиями рассекал даже самый твердый камень.

Аменемхат посмотрел на свои руки, худые, но еще не утратившие силы, руки человека, знакомого с тяжелым физическим трудом.

– Я уже не тот, – печально проговорил он.

– На один удар тебя хватит, друг мой, – с нежностью сказала танцовщица.

Она обняла старого архитектора и приникла губами к его губам.

– О, Анукет, – прошептал опьяненный Аменемхат, – мы, словно вернулись в годы нашей юности. Времени не удалось погасить твой жар.

Танцовщица извлекла из сундука небольшой, но острый кинжал.

– Возьми его, – сказала она. – Это оружие бедняги Меритенсы. Он когда – то подарил мне его. Этот кинжал до сих пор острый. Меритенса, как и свой знаменитый меч, добыл его в бою с ливийскими дикарями. А оружие ливийцев не знает износа.

– Ты была с Меритенсой? – хрипло спросил Аменемхат, как зачарованный смотря на раз-
румянившуюся, словно помолодевшую, Анукет.

– Нет, – рассмеялась танцовщица, – но несчастный хотел близости со мной. Поэтому и подарил самое ценное, что у него имелось, острый кинжал. Но я не любила нашего воина – казначея... – Анукет прикрыла глаза, отдаваясь воспоминаниям. – Как же мы были все счастливы в те годы. Мы были молоды, красивы, сильны. Мы решали судьбу Египта. Снофру не совершал никакого деяния, прежде не посоветовавшись с нами... Проклятый Мелонис все разрушил. Он околдовал Хеопса, о котором мы заботились, как о собственном сыне, довел до самоубийства Псамметиха, влез во все дела. Иди же, мой последний настоящий друг, отомсти за Псамметиха и положи конец магии подлого чародея.

Аменемхат, не отрывая взгляда от Анукет, как в полусне, взял протянутый кинжал.

– Я все сделаю для тебя, богиня среди смертных, – восторженно проговорил он.

Находясь, будто под гипнозом, он вышел из покоев ловкой танцовщицы. Он шел неровной, пошатывающейся походкой, и вдруг случилось невероятное, разом отрезвившее разум несчастного архитектора. Он проходил мимо стены, на которой был изображен бог Гор, человек с головой сокола. Внезапно гигантская фреска ожила, нарисованное божество вытянуло руку и длинным жезлом больно ударило по плечу главного архитектора. Аменемхат отскочил от стены, он оторопело смотрел на изображение. Но фреска выглядела фреской, и ничто не напоминало об этом странном событии. Аменемхат потер плечо. Он оглянулся, ища негодяя, посмеявшегося напасть на главного архитектора страны. Но в галерее он был один, если не считать замершей безмолвной стражи. Аменемхат посмотрел на охранников, он был довольно далеко от них, и вряд ли кто-то из них успел бы так быстро вернуться на свое место. Не находилось рядом и двери, в которую бы успел спрятаться дерзкий. Аменемхат решил, что, задумавшись, сам нечаянно ударился о стену. Он продолжил свой путь. Однако не прошел архитектор и нескольких шагов, как другое изображение Гора, проделало то же самое. Теперь Аменемхат получил увесистый удар древком копья. Главный архитектор ускорил шаги. Проходя мимо статуи Гора, он был сбит с ног гранитным мечом скульптуры. Аменемхат поднялся и со всех ног бросился бежать по длинному просторному дворцовому коридору. Статуи и фрески, запечатлевшие Гора, осыпали его бесконечными ударами. Аменемхат подбежал к одному из стражников.

– Скажи, что ты видел сейчас? – тяжело дыша, спросил архитектор.

– Ничего, господин, – бодро ответил охранник.

– А меня ты видел, несчастный? – вскипел Аменемхат.

– Видел, господин главный архитектор, – молодцевато сказал страж.

– Что я делал, стражник?

– Ты очень быстро бежал, господин главный архитектор!

– А еще?

– Ты отскакивал от стен, господин главный архитектор, нагибался перед статуями, а в том проеме ты упал на колени и закрыл голову руками.

– А больше ты ничего не видел? Чего-нибудь необыкновенного?

– Нет, господин главный архитектор!

Аменемхат отошел от охранника. Но через несколько шагов Гор с фрески над дверью свесился и ударил цепом несчастного архитектора. Аменемхат вновь пустился бежать. Весь избитый, в синяках и ссадинах, он кое-как добрался до своих комнат.

В подобной ситуации оказалась и Анукет. Едва архитектор ушел от придворной танцовщицы, как богиня Уаджет, чей символ змея, сошла со стены и хлестнула пучком лотосов Анукет по лицу. Придворная танцовщица испуганно вскрикнула, но в комнате она была одна, и изображение Уаджет яркими красками мирно сияло на стене, над постелью Анукет. Танцовщица заметалась по своим покоям. Уаджет, которая была нарисована на всех стенах, в каждом углу наступала Анукет. Женщина выбежала из комнаты и бросилась к Аменемхату. Но весь ее путь богиня Уаджет преследовала Анукет. Когда перепуганная Анукет пробежала мимо статуи фараона, гранитная кобра соскользнула с каменного немеса, головного убора фараона, и принялась душить танцовщицу. С криками Анукет примчалась к Аменемхату. Главного архитектора она нашла лежащим в постели, слуги прикладывали примочки к его синякам и царапинам.

– Что случилось? – спросила Анукет.

Аменемхат, выгнав всех, рассказал о невероятном нападении, которому подвергся он. Анукет тоже не утаила от старинного приятеля свои приключения.

– Кажется, сами боги за Мелониса, – простонал архитектор.

– Возможно, – кивнула Анукет. – Но я не намерена отказываться от борьбы с этим подлым чародеем. Придет время, и я отомщу ему за дружбу с Хеопсом и мой нынешний позор.

Мелонис уже собирался ложиться спать, когда в его комнате появились два божества: высокий мускулистый молодой человек и молодая женщина, с узкими лукавыми глазами, в струящемся легком платье.

Жрец встал на колени.

– Гор, Уаджет, – проговорил он. – Чем я заслужил такую честь, принимать вас?

– Мы – охранники царской власти, – проговорил бог Гор. – Сегодня нам пришлось славно потрудиться.

– Аменемхат и Анукет пытались очернить тебя в глазах Хеопса, – сказала Уаджет, – но фараон не поверил их словам. Тогда преступники решили тебя убить. Мы вмешались в это дело, танцовщица и главный архитектор получили по заслугам.

– Я благодарен вам, великие боги, за помощь мне, – растерянно проговорил жрец. – Но все же, почему вы решили заступиться за меня, ведь вы призваны охранять царей?

– Защищая тебя, мы защищаем и Хеопса, – сказал Гор. – Его непосредственный охранник – это ты. Погибнешь ты, и умрет Хеопс... Ты знаешь это.

– Да, – кивнул Мелонис, – мне известна моя миссия. Однако не слишком ли вы жестоко наказали несчастных заговорщиков?

– Мы обошлись с ними еще весьма милостиво, – заметила Уаджет. – Они заслужили гораздо более суровой кары. Архитектор отделался несколькими синяками, а танцовщица – испугом.

– Ну, тогда все в порядке, – улыбнулся верховный жрец Ра. – Я навещу Аменемхата. С Анукет я уже неплохо знаком, эта особа мне вполне ясна, а вот ее приятеля, главного архитектора, я еще мало изучил.

– Он еще покажет себя, будь осторожен, Мелонис, – сказал Гор.

Боги попрощались и исчезли, а жрец, несмотря на позднее время, отправился к Аменемхату. Прежде чем уйти, служитель Ра положил в свою сумку несколько баночек со снадобьями. Главный архитектор Египта принял Мелониса в постели.

– Тебе уже доложили, уважаемый верховный служитель бога богов, – простонал Аменемхат, – что на меня напали грабители?

– Эта новость летает под сводами дворца и гудит, словно рой пчел, – сказал Мелонис. – Я пришел помочь тебе, глава зодчих.

– У меня все тело болит, – поморщился Аменемхат. – Мне кажется, что по мне проскакало стадо быков.

– Позволь мне осмотреть тебя, мой друг.

– Да, наверное, так будет лучше, – согласился Аменемхат. – Я боюсь, что не доживу до рассвета.

Мелонис осмотрел охающего и стонущего Аменемхата. Улыбка тронула губы жреца.

– Ты, вероятно, пошел не той дорогой, что предназначена для честных людей, – сказал Мелонис. – Опасайся ходить тропами разбойников и злоумышленников, иначе подвергнешь свою жизнь еще большей опасности.

– Да, я сегодня торопился и решил проехать по каким-то темным улочкам и вот получил за свое безрассудство.

– Ничего, твои ранения, на этот раз, оказались довольно легкими, – Мелонис достал из сумки баночку. – Намажься этим средством и к утру твое тело будет здоровым.

Аменемхат принял лекарство.

– Благодарю тебя, мудрый человек, – слабым голосом проговорил он. – Я не забуду твоей услуги. Архитектор Аменемхат умеет помнить добро.

Верховный жрец Ра встал и откланялся.

– Выздоровливай как можно быстрее, глава зодчих, – сказал он. – Скоро начнется большое строительство. Твои знания нам будут необходимы.

Как только Мелонис ушел, Аменемхат смазал свои ушибы и раны лекарством, полученным от жреца. Мазь сразу же успокоила боль, и архитектор спокойно уснул. На утро, когда он проснулся, на его теле не было ни одного следа от божественных побоев.

Глава 15

Фиванский «царь»

Амени, брат царицы Хенутсен, проживал в Фивах. Несмотря на уговоры Хеопса, утонченный молодой человек не пожелал возлагать на свои изящные плечи тяготы дворцовой жизни. Он уединился в Фивах, главном городе сорокового нома, в роскошном доме, подарке фараона Снофру. К моменту женитьбы Хенутсен, их отец умер, и брат и сестра остались одни. Великолепный дар, как выкуп за невесту, получил ее единственный родственник и покровитель, юный брат, который был старше Хенутсен всего на два года. Когда скончался номарх, главой нома был назначен Амени. В описываемый период Фивы еще не получили такого значения, но уже начинали закладываться основы будущей столицы. Через несколько веков, когда Мемфис утратит свой статус, центром объединенных земель станет именно этот город. Пройдет время, и о Фивах будут говорить, как о месте баснословных богатств и неописуемых чудес. Однако в 26 веке д. н. э. это был спокойный провинциальный городок, с густыми садами, окружающими дома, и размеренной жизнью, удаленного от столицы населенного пункта. Нил разделял город на две части: восточную, где располагались жилые и административные здания, и где, собственно говоря, и шла жизнь; и западную, занятую под кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.